

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5499345>

Реквием

Направленность: Джен

Автор: [chappysmom](#)

Переводчик: [petergirl \(https://ficbook.net/authors/837053\)](https://ficbook.net/authors/837053)

Оригинальный текст: <https://www.fanfiction.net/s/8895042/1/>

Фэндом: Шерлок (BBC)

Рейтинг: G

Жанры: Драма, Психология, AU, Дружба

Размер: Миди, 36 страниц

Кол-во частей: 7

Статус: закончен

Описание:

Пострейхенбах. Джон превращает свое хобби в способ справиться с горем и начинает работать над одной вещью в память своего погибшего друга, пусть даже тот никогда не сможет ею воспользоваться. (Ну, как Джон считает:-)).

5 (и финальная) часть серии, где первая - "Деревянных дел мастер" -

<https://ficbook.net/readfic/3986295>

Написано до 3 сезона.

Публикация на других ресурсах:

Запрещено в любом виде

Примечания автора:

Запрос на разрешение отправлен 18.04.2017, но ответа от автора до сих пор нет.

ТОС

ТОС	2
Глава 1	3
Глава 2	11
Примечание к части	17
Глава 3	19
Глава 4	25
Примечание к части	29
Глава 5	30
Примечание к части	33
Глава 6	34
Примечание к части	37
Глава 7	38

Глава 1

На самом деле Джон такого никогда не планировал — и не интересовался подобной возможностью.

Его вполне устраивало делать предметы мебели и вырезать из дерева всякие безделушки. Хотя он с удовольствием принял вызов и расширил свою сферу деятельности еще и на инструменты для прядения шерсти (и до сих пор считал, что "виноваты" в этом отклонении, в основном, Салли Донован и миссис Хадсон). В последний год он с огромным удовольствием вновь занимал руки любимым ремеслом и заново учился создавать цельные вещи. Не сравнить, конечно, с чувством полнейшего удовлетворения, когда он, оперируя, спасал человеческие жизни или как безумный гонялся за преступниками вместе с Шерлоком, но все равно это было... приятно.

Работа с деревом давала возможность расслабиться, когда после долгого дня в его жилах кипели остатки адреналина. Кроме того, она давала возможность чем-то занять руки, когда хотелось придушить раздражающего соседа. И позволяла приложить куда-то свой творческий потенциал, о котором Джон уже почти позабыл.

И даже больше — это стало для него возможностью погрузиться в воспоминания.

Работа с деревом всегда напоминала ему об отце — о человеке, который учил его работать стамеской. Джон вспоминал, как долгими тихими часами возился в мастерской отца, и как тот терпеливо, без малейшего давления, его направлял. Джону потребовалось много лет — и война, и жизнь с Шерлоком Холмсом — чтобы пережить наконец смерть отца и оставить позади чувство потери. Его тогда настолько захватило горе, что он практически сбежал в медицинскую школу — подальше от работы, которую они с отцом оба любили. Он не брал в руки инструменты до самого прошлого года, когда у миссис Хадсон сломалась полка.

Для Джона это стало восстановлением — он заново открыл эту часть себя и — что более важно — вернул потерянную связь с отцом. Спустя многие годы — годы острого горя и годы, когда думать об отце становилось уже не так больно — Джон нашел для себя способ снова с ним сблизиться, снова проводить время за тем занятием, которое они оба любили.

И, что стало для Джона полным сюрпризом, Шерлок поддержал это его предприятие. Пока хобби Джона не мешало Работе Шерлока, тот с изумительным спокойствием относился к тому, что друг на много часов исчезал в 221С, где была его мастерская. Временами детектив даже к нему присоединялся — бродил по усыпанному опилками полу или сидел, покачиваясь, на стуле. Его не беспокоил ни шум, ни то, что приходится делить внимание Джона с предметом его работы.

Это много значило.

Все значило очень много.

И вот теперь Джон стоял посреди своей студии и смотрел на щепки того, что не далее, чем десять минут назад, было красивым столом ручной работы. Взвешивая на руке молоток, Джон обвел глазами разлетевшиеся по мастерской обломки. К чему думать обо всех этих вещах? Разве они еще что-то значат?

Он отвернулся от своего хобби, когда умер отец — умер его наставник.

И что теперь ему делать, когда его лучший друг и сосед... *Шерлок*... погиб?

Предполагается, что он должен сидеть тут и радостно кропать столы, стулья и веретена, пока Шерлок гниет в земле? Какое он вообще имеет на это право — право чем-то таким заниматься, если уже второй раз в жизни не сумел спасти человека, кого больше всего любил?

За прошедшие годы он спас бесчисленное количество людей — солдат, жертв преступлений, пациентов в клинике. Но что насчет тех двоих, которые были для него важнее всего? Он подвел их. Не спас.

Так какой смысл?

Входя сюда, он не собирался ничего разрушать. Собственно, он даже не планировал сюда заходить. Он вернулся только, чтобы собрать вещи. Воспоминать было непереносимо. По крайней мере, пока. Но прежде чем уйти, он не смог устоять перед желанием бросить последний взгляд на свою мастерскую — и то, просто чтобы уточнить, с кем из клиентов ему надо будет связаться и сообщить, что выполнение их заказов откладывается.

Или даже больше, чем откладывается. Джон вновь окинул взглядом уютную, пахнущую свежим деревом комнату, где провел столько приятных часов, и что-то в нем словно сломалось.

Он осознал, что наверняка бы с куда большим вниманием отнесся к любому месту преступления, чем к урону и хаосу, нанесенному этой беззащитной комнате. Месяцы кропотливой работы теперь лежали в руинах.

Джон чувствовал, что по щекам текут слезы, хотя он не ощущал, что плачет. Для этого он был слишком опустошенным. Он даже едва чувствовал гнев, горевший под сердцем — гнев, что Шерлок посмел вот так с ним поступить, что он оказался *настолько* эгоистичным. (Ибо да, Шерлок без вопросов был махровым эгоистом, но намеренно причинить такую страшную боль? Джон не предполагал, что тот на такое вообще способен).

Судорожно втягивая в себя воздух, Джон опустился на пол и, выронив молоток, закрыл лицо руками. Он не мог дышать. Не мог думать. Он не мог... просто не мог. Мастерская перестала быть для него убежищем и стала просто очередным местом, где Джон пытался заниматься резьбой, и стала в итоге символом его сокрушительного поражения. Он не смог спасти отца. Не смог спасти Шерлока.

Через некоторое время Джон заставил себя подняться и, не оборачиваясь, захромал прочь.

* * *

Следующие несколько месяцев были... паршивыми. Лучшее, что можно о них сказать — они прошли для Джона почти как в тумане.

Он, к собственному вящему удивлению, не поддался семейной склонности злоупотреблять алкоголем. И не прибег к частому "солдатскому" выходу — суициду, когда виденное и сделанное человеком становится для него слишком тяжелым бременем. Нет, Джон просто... существовал. И без крайней необходимости не покидал своей унылой комнатки в хостеле. Даже, чтобы заработать на съем — аренду кто-то регулярно за него оплачивал. Джон мог только предполагать, что это Майкрофт — мысль, которая привела бы его в бешенство, если бы он имел на это энергию.

После трех месяцев безучастного изучения пустой стены в своей безликой комнатке, Джон наконец пришел в себя настолько, чтобы осознать — это несколько "нехорошо". Пусть, ему никто и не верил, когда он говорил, что Шерлок абсолютно точно не был жуликом, но, кажется, пришло время что-нибудь с этим сделать.

Кроме того, он устал от слежки обтекаемо-черных седанов, которые следовали за ним всякий раз, когда он выходил за продуктами. И устал от фальшиво-жизнерадостных

звонков миссис Хадсон (которая, понятно, тоже скучала по Шерлоку). Он просто устал от всего этого, ничего больше, но он понимал: ничего не изменится, пока он сам что-нибудь не предпримет.

Как ни странно, но требуемый пинок Джон получил не от друга — или, во всяком случае, не совсем друга. Ему нанесла неожиданный визит Салли Донован.

Он не разговаривал с Салли с того самого вечера — с той ночи, когда она стояла посреди их квартиры и, задрвав глупый нос, с ненавистью и страстью изрыгала едкие речи насчет Шерлока. Все дела, которые они вместе расследовали, все то время, что Джон проводил с ней, обсуждая их хобби — все это для нее ничего не значило в ночь, когда она пришла не просто арестовать Шерлока, но и радостно потоптаться на остатках его разрушенной репутации.

Так что, когда она появилась у Джона на пороге спустя три месяца после похорон, неудивительно, что Джон ей не обрадовался.

— Что вы здесь делаете?

Увидев его, она встревожено распахнула глаза, а потом прямо-таки их округлила, когда глянула через его плечо на голую, почти без мебели, комнату.

— Мне нужно с вами поговорить. Я могу войти?

Джон сделал глубокий вдох. Ну, на этот раз, она хотя бы спросила. Оставив дверь открытой, он тяжело прошаркал обратно к своему креслу. Он не стал предлагать ей чая или еще как-то проявлять гостеприимство. Если она хочет что-то сказать, пусть говорит — но и только. Он не станет притворяться, будто ей рад.

Салли нерешительно присела на край дивана и посмотрела на Джона, всем своим видом излучая беспокойство. Потянулось молчание, затем она произнесла:

— Есть две вещи, которые мне нужно сказать вам, Джон.

— Надеюсь, одна из них — извинение.

Она переглотнула.

— Ну, в общем, да. Первое... и я хочу, чтобы вы знали: это была моя инициатива — пойти к вам. Грег хотел сделать это сам, но он все еще отстранен от работы, хотя наверное, скоро это изменится. Я знаю, мы не были друзьями...

Джон фыркнул. Он давно не слышал ничего забавнее. Да уж, с Салли Донован они точно друзьями не были.

— Чего вы хотите? — снова спросил он.

Салли кашлянула.

— Мы нашли его телефон... Шерлока. Он записал все, что произошло там, на крыше и... Не знаю, захотите ли вы слушать, но...

— Запись доказывает, что он невиновен, верно? — ровно спросил Джон. — Он снова оказался умнее вас.

— Да, — она глубоко вздохнула. Джон видел, каких усилий ей стоит выдерживать нейтральное выражение. — Вы хотите послушать? Это... тяжело.

Джон просто кивнул. Она действительно считает, что это имеет значение? Действительно думает, что слышать голос Шерлока ему будет труднее, чем не слышать его все эти долгие бесконечные часы после его смерти? Салли вновь наградила его долгим взглядом, потом быстро кивнула и вытащила из сумочки диктофон.

— Временами звук немного приглушается. Мы полагаем, он держал телефон в кармане пальто.

Джон снова кивнул.

— Просто включите.

Несколько минут спустя Джон сидел, опустив голову на руки, и по его лицу текли слезы. Он ошибался. Слушать эту запись было самым тяжелым испытанием в его жизни. Тяжелее, чем улыбаться исхудавшему отцу, навещая его в больнице. Тяжелее, чем смотреть, как прыгает с крыши Шерлок.

Хотя нет, он прыгнул не по своей воле. Его *заставили* — совершенно определенно и целенаправленно.

Заставили прыгнуть, чтобы спасти Джона. Джона и остальных. Шерлок пожертвовал собой, и теперь зная это... Джон не представлял, лучше от этого или хуже.

Он поднял голову и, стараясь сдержать гнев, посмотрел на Салли.

— Не слишком напоминает поступок психопата, правда?

Салли покачала головой, ее глаза заблестели.

— Совсем не напоминает. Вы были правы насчет него, а мы — нет. Я была неправа. Я должна была ему поверить. Мне действительно очень жаль.

Джон уставился на нее — лицо Салли открыто выражало раскаяние, и снова уронил голову. Он не знал, как на это все реагировать.

Он услышал шуршание одежды и затем шаги — Салли пошла на кухню, но Джону было все равно. Его слишком поглотило переваривание информации. То, что Мориарти манипулировал Шерлоком, многое объясняло в телефонном звонке друга, объясняло, почему тот солгал. Но от этого же понимания рвалось сердце при мысли, как отчаянно Шерлок старался их всех спасти. Как далеко он зашел.

А Джон снова оказался бесполезен. И даже хуже. Он стал бесполезной обузой. Ничего удивительного, что его просто взяли и выманили каким-то фальшивым телефонным звонком.

Снова раздались шаги, и в руках Джона очутилась чашка чая.

— Выпейте. От шока хорошо помогает, — сказала Салли.

К облегчению Джона, она просто откинулась на спинку дивана и стала потягивать из своей чашки.

После нескольких минут молчания Джон произнес:

— Значит, ему вернут доброе имя?

Кивок.

— Завтра запись будет официально обнародована. Это самое меньшее, что мы можем сделать.

Джон почти пренебрежительно фыркнул.

— Мне действительно очень жаль.

Ответить ей можно было по-разному. Выгнать вон. Заорать. Сорваться в слезы. Но Джон лишь потягивал чай, обхватывая ладонями теплый фарфор чашки. И сказал он тихо только одно:

— Вы и должны жалеть.

Он поднял глаза и увидел, как на ее лице сменяют друг друга разнообразные эмоции (в том числе и гордость, и потребность всегда быть правой): ей явно хотелось как-то оправдаться. Но Салли молча проглотила упрек — она только кивнула и сделала еще глоток чая.

— Когда вы последний раз ели? А спали?

Джон пожал плечами. Это не имело значения. Он не пытался уморить себя голодом, во всяком случае, сознательно. Его просто не интересовала еда — совсем как Шерлока

во время расследования, но по другим причинам — не ради того, чтобы сосредоточиться, а из-за нежелания что-то делать с громадной пустотой, в которую превратилась его жизнь.

Он думал, что Салли начнет возражать, уговаривать его поехать, отдохнуть, двигаться дальше или скажет еще какую-нибудь банальность. Он ни разу не видел, чтобы Донован хоть раз кому-нибудь искренне сопереживала, но она знала порядок и знала, как вести себя на месте преступления с обезумевшими от горя близкими. (Не то, чтобы Джон относился к последним, но вся его жизнь сейчас ощущалась местом преступления, где произошло убийство, простое и чистое).

Джон ждал, понимая, что Салли хочет сказать еще что-то, и когда она это сделает, ему лучше сидя переваривать новую сногшибательную информацию.

Когда же она наконец заговорила, то сказала совсем не то, чего он ожидал.

— Джон, что вы здесь делаете?

Он поднял голову и с удивлением увидел в ее глазах искреннее сочувствие.

— Что?

— Я имею в виду... может, я и не понимаю, как вы могли дружить с... Шерлоком... но я знаю, что вы дружили. И он тоже явно считал вас другом.

— Потому что ради меня шагнул с крыши? — Джон чуть не поморщился от горечи. — Да, Салли, мы были друзьями. К чему это говорите?

— Если это так, то почему вы *здесь*? — Она окинула взглядом мрачную, стерильно-чистую, гнетущую комнату.

— В 221Б... мне слишком больно, — устало ответил Джон. — Я не могу вернуться. Пока не могу.

— Вы ведь все равно вините себя, не так ли?

Джону показалось, что его со всей силы ударили кулаком. Даже Элла не проявляла такого понимания сути.

— Но я виноват — это же очевидно, разве нет? Если бы не я, Шерлоку бы не пришлось прыгать.

— Он сделал это не только ради вас, — резко, даже ядовито возразила Салли. — Но если бы и так — он сам принял такое решение. Не стану говорить, что у него был особый выбор, и я никогда не прощу себя за свой вклад в эту ситуацию, но... это не ваша вина. Вы больше, чем кто-либо... в него верили. Зачем вы себя наказываете?

Джон чуть не засмеялся. Уроки вины и прощения от Салли Донован?

А она мягко продолжила:

— Как-то вы сказали мне, что вам не раз приходилось строить свою жизнь заново — после смерти отца, и когда вы получили ранение и вам пришлось оставить армию. Так почему сейчас по-другому?

На этот раз Джон все же издал еле слышный смешок.

— Человек может много раз воссоздавать себя, но лишь до того, как ему прострелят фундамент.

— Но вы же никогда не сдаетесь. Не отказываетесь от борьбы, если выпали плохие карты.

— Что?

— Вы говорили это, когда учили меня прясть. Вы сказали, что всем в жизни приходится иметь дело с паршивыми комбинациями, но вы не из тех, кто отступает при первой же плохой раздаче. Вы сказали... *сказали*, что никогда не откажетесь от игры. Никогда не сдадитесь.

Джон в ответ лишь покачал головой.

— Это другое.

— Нет, несколько, — Салли подалась вперед, будто сократив расстояние, можно было донести до него слова с большей силой. — Я не отрицаю, что вам тяжело, Джон. Это действительно тяжело. Это ужасно. Это жутко и несправедливо, и мне очень жаль, что с вами такое случилось. Но вы — один из достойнейших людей, каких я только встречала, и сколько я вас знаю, вы всегда были живым воплощением девиза "никогда не сдавайся". Нечего и начинать.

Джон уставился на нее.

— Чтобы не сдаваться, нужно иметь, ради чего жить и работать. У меня ничего не осталось. Черт, да если бы я тогда не познакомился с Шерлоком, я бы не протянул и недели. Я был в очень сильной депрессии.

Его слова Салли явно шокировали, но она не дала себя обескуражить.

— Так *найдите* что-нибудь. Как насчет блога?

— Какой смысл? Единственное, что в нем было стоящим, это описание наших расследований, а их больше не будет.

— Почему? Станьте следующим консультирующим детективом — вы умный человек и долгое время... жили с Шерлоком. Наверняка чего-нибудь у него нахватались. — Джон покачал головой. — Или возьмите какие-нибудь из ваших прошлых дел и превратите их в рассказы. Оживите Шерлока, каким вы его знали. Покажите, что он был очень хорош.

— Я не писатель, — возразил Джон. — Я завел блог лишь потому, что на этом настаивала моя психотерапевт, когда я вернулся из Афганистана. И только с появлением Шерлока из него стало получаться что-то более или менее интересное. А я? Превращать наши дела в рассказы о жизни? Вы сильно преувеличиваете мои таланты.

Теперь уже Салли издала резкий смешок.

— И снова, именно вы в свое время сказали мне — надо делать то, что должно.

— Я уже не тот человек, который сказал вам эти слова, — устало ответил Джон. Он поставил на стол полупустую кружку и, потирая лоб, откинулся на спинку кресла. — Я ценю, что вы пытаетесь для меня сделать, но...

— А как насчет вашего хобби, работы с деревом? Вам же нравится этим заниматься, и вы это знаете. У вас лицо начинает светиться, когда вы говорите об этом — и о том, как это занятие напоминает вам отца, и о том, как вы любите работать руками.

— Да, мой отец. Он научил меня создавать вещи из дерева, а потом умер. Шерлок вдохновил, убедил меня снова этим заняться, и вот теперь он тоже лежит в могиле. Вы уговаривали меня взяться за веретена... вам лучше как следует побережесь. Совершенно очевидно, что рядом со мной находиться небезопасно.

— Не смейте даже произносить такое, Джон Ватсон! — Он раскрыл глаза и осознал, что Салли стоит перед ним, практически *нависает*. — Я знаю, что вам больно, знаю, что вы горюете, но не смейте сдаваться! Шерлоку очень нравилось, что вы делаете вещи из дерева. Вы никогда не замечали, как он смотрел на вас, когда вы этим занимались? Он даже помогал вам на ремесленной ярмарке. Бога ради, он даже научился прядению шерсти, потому что решил, что вам это нравится.

— Нет, Салли. Он просто терпел мое хобби. Мирился с ним. На ярмарке он помогал, потому что так нужно было для расследования. Прядение? Это просто было новое занятие, которому интересно было поучиться.

— Вы ошибаетесь. Вы были его лучшим другом — и вероятно единственным человеком, который действительно его понимал, потому что бог знает, никто из нас не в состоянии был даже просто находиться с ним рядом больше пяти минут. Но даже я видела, что он старается быть вам хорошим другом, и он определенно доказал это три

месяца назад в Бартсе, — Джон вздрогнул, а Салли продолжила: — Ему бы очень не понравилось, если бы вы вот так сейчас сдались.

— Я не сдался, — Джон чувствовал ужасную усталость. — Я просто не могу найти себе хоть какое-то *реальное применение*. Когда я выхожу на улицу, половину времени за мной все еще таскаются журналисты — и как только вы опубликуете запись, станет еще хуже. Я не могу... я не могу встречаться с Греггом или миссис Хадсон, особенно сейчас. Я просто... мне надо...

— Вам нужно сделать что-то, чтобы почтить его память.

В груди Джона словно что-то чуть-чуть расслабилось.

— Да.

Салли присела перед ним на корточки.

— Тогда просто подумайте... с вашими умениями, что бы вы могли сделать, чтобы Шерлок это оценил? Наверняка что-то должно быть. Он же не все время гонялся за преступниками, ведь так? Поищите, что бы вы могли сделать *для него*, а когда вы закончите, возможно, вы уже сможете сделать шаг к восстановлению вашей собственной жизни.

Джон сидел, уставившись на свои руки, глубоко погружившись в мысли — он вспоминал Шерлока, сидящего за микроскопом, вспоминал, как тот расхаживал по комнате, умело раскручивая пальцами веретено — подразумевалось, что последнее помогает ему думать, и к счастью, занятие не было таким громким, как...

Джон резко втянул в себя воздух, и моргнув, поднял глаза на Салли. Та в ответ чуть ему улыбнулась.

— Да, — выдохнула она. — Именно так... о чем бы вы ни подумали. Просто сделайте это.

Салли хлопала его по руке и встала.

— Я сделаю вам сэндвич, а потом пойду.

— Нет, не беспокойтесь. Все в порядке. Мне надо кое над чем подумать, — Джон проводил ее до двери. — Спасибо... что принесли мне запись.

Салли мгновение изучала его лицо и потом кивнула.

— Скажем так, она напомнила мне, как бывают важны друзья. Уверены, что не хотите сэндвич?

— Уверен. Спасибо... что зашли, Салли, — Джон закрыл за ней дверь и вернулся к дивану. Мысль о сэндвиче сразу же была позабыта. Ему многое, очень многое надо было обдумать, но, что важнее всего, он видел, по крайней мере, один способ снова вернуть себе друга. Может, Шерлок и погиб, но как насчет давней надежды Грегга, что однажды он может стать хорошим человеком?

Шерлок ведь превзошел все ожидания.

И он никогда бы не простил Джону, если бы тот позволил этому дару — дару неизмеримой щедрости Шерлока, который искренне верил, что жизнь Джона стоит больше, чем его собственная — пропасть впустую.

В одном Салли безусловно была права. Ему нужно найти себе дело. Он предпочитал этот способ решения проблем еще с самого детства и позволил себе его лишиться, когда потерял отца. Больше он этого не допустит, но ему требовалось нечто большее, чем снова делать мебель или вырезать веретена.

Он хотел сделать нечто, что оценил бы сам Шерлок.

То, что доставило бы ему удовольствие.

И здесь был всего один возможный вариант, но зато идеальный. Для мастерства Джона это станет настоящим вызовом и заодно заставит его какое-то время

сосредоточиться на... других вещах. Такой всепоглощающий проект — именно то, что ему сейчас требуется, и он сможет представлять, как бы Шерлок ему обрадовался — друг всегда любил учиться чему-то новому, а здесь получил бы шанс посмотреть для разнообразия, как чему-то учится доктор.

Джон сделает для своего погибшего друга скрипку.

Глава 2

Но, разумеется, прежде чем приступить к работе над скрипкой, Джону еще многое нужно было сделать.

Для начала ему требовалось снова вернуться на Бейкер-стрит. Он не мог обойтись без своей мастерской, да и миссис Хадсон он и так слишком надолго оставил в одиночестве. Он по-прежнему очень сомневался, что ему по силам подняться в 221Б, но в 221С можно было... да хоть раскладушку поставить. (Джон впервые испытал благодарность Майкрофту за то, что тот продолжал платить за квартиру аренду).

Когда он туда переберется, нужно будет поискать кое-какую информацию. Не считая выструганной в десятилетнем возрасте простенькой деревянной дудочки, Джон никогда не думал над созданием музыкального инструмента — и уж тем более, такого требовательного, как скрипка. Все, что на данный момент было ему известно: скрипка потребует очень тщательной, дотошной работы, и все должно быть выполнено идеально — только тогда она будет звучать, как надо. (Ну, действительно, если инструмент будет с плохим звучанием... какой смысл за него браться?)

Наверное, он сумасшедший, если хочет сделать скрипку, способную сравниться со Страдивариусом, но, может, именно это ему и нужно?

Но все равно, сначала надо изучить вопрос. Он даже не знал, как называются части скрипки, и еще меньше — как ее делать. Какое дерево ему понадобится? Может, какие-то особые инструменты? И как прикреплять струны к шейке? (Она вообще называется "шейкой"? Или грифом?)

Ночью Джон почти не спал. Ладно, он почти не спал уже три месяца: либо крутился и ворочался в постели без сна, либо засыпал, но его без конца будили кошмары.

Но этой ночью — ночью, когда он решил сделать скрипку — его разум буквально переполняли планы на будущее.

И это было приятно, чувствовать подобное предвкушение.

Потому что, как это ни странно, но мысль создать скрипку, приводила Джона в приятное возбуждение. Раньше он ни за что бы не посмел взяться за такую задачу — Шерлок превратил бы процесс в нечто весьма для Джона мучительное. Влезал бы на всех этапах, экспериментировал с разными породами дерева и видами воска, и...

Нет. Джон оборвал себя. Надо думать об этом, как о сюрпризе, а не о совместной работе. Пусть это будет подарок, дань памяти. Будь он художником, он бы нарисовал портрет друга. Будь скульптором — вылепил бы его статую. Но он работал с деревом, и лучшее, что ему приходило в голову, это создать своими руками скрипку — сделанный с любовью инструмент в память о тех долгих часах, что Шерлок проводил с ней, своей нежно любимой "особой".

Итак, завтра, подумал Джон, уставясь в освещенный луной потолок. Завтра он отправится на Бейкер-стрит. Надо будет извиниться перед миссис Хадсон, что он бросил ее так надолго. Он знал, что она все понимает, но ей тоже было больно. Они с домовладелицей остались единственными, кто искренне тосковал по Шерлоку, и им пора уже было объединиться. Кроме того, миссис Хадсон не молодеет, и ее больное бедро... он бы меньше переживал за нее, если бы находился поблизости. Он не может себе позволить потерять еще кого-то из близких.

Потом надо будет как следует убраться в 221С. Он оставил там кавардак. (Больше, чем кавардак. Мастерская была завалена обломками, слишком напоминавшими его жизнь). И это лишь одно место, которое ему предстоит вычистить.

Дальше он займется поиском информации. Интересно, есть ли в Лондоне скрипичные

мастера? Ему бы проконсультироваться хоть с чего начать. Должны быть. Шерлок наверняка знал, но... сейчас его об этом не спросишь. Придется как-то самому выворачиваться.

Джон в очередной раз перевернулся в постели и врезал кулаком по подушке. Надо хоть немного поспать. Раньше же ему это удавалось. "И это не составляло труда", — напомнил себе он. Правда, если быть честным, то легко ему не спалось уже много лет, хотя жизнь с Шерлоком чудодейственно смягчила проблему его "афганских" кошмаров. Шерлок смягчал многие проблемы. Люди просто не понимали. Разумеется, друг был нетерпелив, высокомерен и требователен. Ему не хватало терпения на тех, чей разум не был столь блестящим, как его собственный (то есть на всех окружающих), но это не значило, что ему все равно. Он не раз демонстрировал, что беспокоится за Джона и разными способами, и сейчас тот продал бы душу, лишь бы услышать, как Шерлок играет колыбельную ему на скрипке.

Джон взмахом откинул одеяло и сел. Ладно. Сна ему определенно не видать, так что лучше пойти на кухню, заварить чая и, может быть, что-нибудь перекусить, а потом можно будет начать строить планы — уже реальные. Он целиком посвятит себя созданию скрипки, как посвящал себя Шерлок... да всему, пожалуй, посвящал. Полным погружением. И если повезет, к окончанию задачи призрак Шерлока немного смягчится, и Джон сможет хоть час-два в день жить без ноющего чувства потери, эхом пронизывающего его с головы до ног.

* * *

— О, Джон, как я рада! Я так скучала по вам... вам обоим.

— Я знаю, и прошу прощения, миссис Хадсон. Я просто... не мог прийти.

— Конечно-конечно, я все понимаю, дорогой. Не волнуйтесь об этом, — домовладелица налила Джону чай и подтолкнула тарелку булочек-сконов. — Я наверху ничего не трогала, только немного протерла пыль.

У Джона пересохло во рту.

— О, нет. Я... я еще... не готов подниматься туда. Я просто подумал, что могу ночевать пока в 221С.

Миссис Хадсон растеряно на него посмотрела.

— Но...

— Я знаю, это кажется немного безумным, но мне пока даже зайти в дом достаточно тяжело. Когда-нибудь я все равно туда поднимусь.

Все еще озадаченная домовладелица ему улыбнулась.

— Конечно, подниметесь. Вы снова будете делать в мастерской всякие вещи?

— Не то, что вы думаете, — ответил Джон, потягивая великолепный чай. — Боюсь, я пока безработный. Я до сих пор не мог... просто не мог ничем заниматься. Если вы переживаете из-за арендной платы...

— О нет, дорогой, — быстро откликнулась домовладелица. — Брат Шерлока обо всем позаботился. Он сказал, что Шерлок бы этого хотел.

При мысли о Майкрофте, готовом исполнить хоть какое-то желание Шерлока, Джон скорчил гримасу, но кивнул.

— Наверное, это было в завещании. Кажется, у Шерлока был трастовый фонд, и среди его положений — обязательство вносить плату за 221Б столько времени, сколько вам будет нужно. Но 221С оно не покрывает, и я...

— Даже не смейте заикаться на эту тему, Джон Ватсон, — твердо заявила

домовладелица. — Вы — семья, и я никогда бы не сдала эту квартиру никому другому. Пользуйтесь столько, сколько будет нужно. Можете оплачивать коммунальные услуги — так мы оба не будем в накладе, но это все, что я от вас приму, молодой человек.

Джон ощутил, что начинает расплзаться в улыбке. Впервые за... он даже не мог сосчитать, за сколько времени.

— Да, мэм, — вымолвил он наконец. — И я буду помогать вам с хозяйственными делами. Кстати, об этом... Вы не получали новостей из Скотланд-Ярда?

Глаза пожилой леди тут же повлажнели.

— Вы про запись? Инспектор Лестрейд вчера вечером приносил ее послушать. О, Джон...

— Я знаю, — Джон сам усиленно заморгал. — Он сделал это ради нас.

Миссис Хадсон, шмыгнув носом, кивнула.

— Ах дорогой, милый мальчик. Я даже не могу теперь на него сердиться за то, что заставил нас все это пережить, поскольку сейчас знаю, что...

— Во всем виноват Мориарти, — закончил за нее Джон. — Я понимаю.

Какое-то время они сидели в уютной тишине: пили чай и ели превосходные булочки миссис Хадсон (которые оказались вкуснее всего, что Джон мог вспомнить за последние месяцы).

Потом Джон сказал:

— Я подумываю сделать одну вещь. Для Шерлока. Я имею в виду, в его память... Не то, чтобы иначе я мог бы его забыть, но...

Миссис Хадсон улыбнулась его неловкому бормотанию и, потянувшись через стол, взяла его за руку.

— Что вы хотите для него сделать, Джон?

Тот выдохнул, стараясь успокоиться. А если она сочтет это идиотизмом?

— Скрипку.

К его облегчению, лицо пожилой леди прямо-таки засветилось.

— О, Джон. Это изумительно. Вы когда-нибудь уже делали что-то подобное?

— Даже не помышлял. Я просто... мне просто кажется, что Шерлок бы... не то чтобы уж прямо оценил скрипку — у него же есть Страд[1], но оценил бы саму идею. Наверное, это сентиментально, но мне нравится так думать.

— Он бы оценил, — твердо сказала миссис Хадсон. — Тут и думать нечего. И я считаю, что это замечательная идея. Вы поэтому сюда и вернулись?

— Да. И из-за вас тоже, — ответил Джон. — Кажется, мне пришло время вернуться к тому, что я люблю. Как вы считаете?

— Более чем, — ответила миссис Хадсон, и ее глаза вновь засияли.

* * *

Следующие несколько недель были трудными, но, по крайней мере, трудными уже иначе.

Жить на Бейкер-стрит, даже не поднимаясь в 221Б, было нелегко. Никогда раньше Джон не входил в дом без ожидания, что Шерлок сейчас сбежит вниз, что-то крича о деле.

Миссис Хадсон помогала уже тем, что явно испытывала от его присутствия радость и облегчение. Они с домовладелицей были двое выживших на войне Шерлока Холмса — единственные люди, кто действительно понимал, каким хорошим человеком он был.

А еще была пресса. После опубликования аудиозаписи, вся история с прыжком

Шерлока, о которой уже, казалось, начали забывать, снова взрывным образом вернулась на первые полосы газет, заново возродив интерес к Шерлоку и всему, что было с ним связано. "Момент для переезда на Бейкер-стрит получился не слишком удачным", — думал Джон, вспоминая то время. Он вернулся ровно в тот день, когда вся эта история вновь попала в газеты, и некоторые сочли это доказательством, что Джон сомневался в Шерлоке и вернулся лишь потому, что теперь его невиновность была доказана.

Джон, уже наученный опытом, даже не пытался что-то отвечать репортерам, раскинувшим лагерь около 221Б. Однако впервые за несколько месяцев он написал новый пост в блоге. Он коротко выразил облегчение, что Шерлоку наконец вернули его доброе имя, сообщил, что ни на мгновение в Шерлоке не сомневался и скучает по нему, а также поблагодарил всех за поддержку в трудное время.

Не то, чтобы он действительно много ее получал — разве что неохотно принимал финансовую помощь от Майкрофта. Но опубликовав этот пост, он теперь мог просто игнорировать журналистов, в том числе и очень раздражающе настойчивых.

Уборка в 221С заняла даже меньше времени, чем он предполагал. Он храбро встретил грудью призраков 221Б, поднявшись ровно настолько, чтобы метнуться в свою старую комнату и забрать оттуда спальный мешок, который он позже раскатал в 221С на старой армейской раскладушке, которую откуда-то извлекла миссис Хадсон. Ложе получилось не самое роскошное, но вполне удобоваримое. В мастерской была и маленькая кухонька, где можно приготовить чай, ну, а привкус опилок никогда ему не мешал.

К концу недели 221С была приведена в порядок и готова к работе. Все инструменты снова лежали на своих местах, обломки разбитой мебели были убраны, а столы девственно чисты и в полной готовности. В голове Джона невольно завертелись военные термины. Все это очень напоминало боевую задачу — спасательную миссию — и только так он мог о ней думать, в максимально ясных и четких черно-белых тонах. Малейший намек на чувства — и он окажется за бортом.

* * *

Джон нашел недалеко от Бейкер-стрит мастера по струнным инструментам и одним солнечным пятничным утром вошел в его мастерскую.

— Привет! Я могу вам чем-то помочь? — поприветствовал его стоящий за стойкой мужчина лет пятидесяти с редющей светлой шевелюрой и доброжелательной улыбкой. Он аккуратно положил на прилавок альт, который держал в руках.

— Надеюсь, что сможете, — ответил Джон. — Я... знаю, это немного необычно, но мне нужно... я хочу сделать скрипку и надеюсь, что вы мне подскажете, с чего начать.

Мастер поднял брови.

— Да, это необычно. Могу я спросить, для чего вам это?

— Наверное, можно считать, что это такой вид психотерапии. Мой лучший друг был виртуозным скрипачом, и недавно он погиб. Я подумал, что... если я сделаю для него скрипку, это может... помочь... Конечно, я понимаю, — заторопился Джон. — Не в ваших интересах обучать кого-то вашей работе, и я не прошу... Я понимаю, вы зарабатываете этим на жизнь. Мне просто нужно знать, откуда *начать*.

Мастер смотрел на неловко бормочущего Джона, как на идиота. Казалось бы, он уже должен был привыкнуть к подобным взглядам, но нет. Зачем он вообще сюда притащился? Ясно, что это была ошибка — ясно, что из этого все равно бы ничего не вышло, и сейчас простонадоуйти. Просто. Уйти.

Джон уже перенес вес на другую ногу, чтобы развернуться и уйти, как мастер вдруг произнес:

— У вас, похоже, много вопросов, а мне все равно пора сделать перерыв. Может, зайдете? Выпьем чая, и вы заодно расскажете, что именно вам требуется.

Джон моргнул.

— Это очень мило с вашей стороны, но не стоит беспокоиться.

— Ерунда, — мастер поднял открывающуюся часть прилавка и пропустил Джона в заднюю часть магазинчика. — Тут явно кроется какая-то интересная история, а моя мамуля всегда говорила, что я не могу перед ними устоять. Кстати, меня зовут Питер. Питер Джеффрис.

— Джон Ватсон, — представился Джон, входя в заваленную материалами мастерскую и вдыхая знакомый аромат воска и дерева.

Ему показалось, что в лице Питера на мгновение вспыхнуло узнавание, но пока тот наполнял водой чайник и включал его, оно уже растворилось.

— Как я понимаю, вы никогда скрипок не делали. А... какие-нибудь другие инструменты?

— Нет, если не считать в детстве какую-то дудочку. Я, в общем-то, делаю мебель, хотя по случаю делал прялку и веретена.

— Восхитительно, — выдохнул Питер. — Прялки сейчас очень мало кто делает. У вас, наверное, своя мастерская? Можно на нее посмотреть?

Джон заморгал — он не привык быть центром такого пристального и энергичного внимания. (Ну, если не считать внимания Шерлока).

— Есть, — ответил он, — На Бейкер-стрит, но сейчас там смотреть почти не на что. Я последние месяцы в ней совсем не работал. Не испытывал такого желания, если честно. Пока не пришла в голову эта мысль.

— Сделать скрипку для умершего друга.

— Да. Я знаю, это звучит безумно, но...

Питер покачал головой.

— Не безумно — вполне уместно. Я уверен, ваш друг счел бы это за честь.

Джон пожал плечами и принял из рук Питера чашку.

— Я в этом не так уверен... видите ли, у него был Страдивариус. Как бы я ни старался, в сравнении это все равно будет лишь жалкой попыткой... но для меня суть не в том.

— Страд? — глаза Питера широко раскрылись. — Феноменально. Их так мало осталось. А он... у кого сейчас эта скрипка?

— Осталась в квартире, я думаю, если его брат ее не забрал. Я не был там с тех пор, как... Три месяца не был.

Питер аж задохнулся.

— Вы знаете... хорошую скрипку надо и хранить соответственно... особенно, если на ней не играют.

Джон с трудом сдержал улыбку.

— Умирате от желания на нее посмотреть?

Питеру явно хотелось провалиться под землю.

— Не могу отрицать: мне было бы очень интересно. У меня как-то был клиент с такой скрипкой, и мне было бы очень любопытно посмотреть на другой образец. Ваш друг... был профессиональным скрипачом?

Джон отрицательно покачал головой.

— Совсем нет, но он очень хорошо играл. Одно из немногих занятий, которые он любил со всей страстью... пусть ему и нравилось заниматься этим посреди ночи, когда я

пытался заснуть. Он говорил, что игра помогает ему думать.

— Посреди... О. Так под другом вы имели в виду...

— Я имел в виду *друга*. Мы жили в одной квартире, и он был моим лучшим другом, но это все, — Джон резко замолчал и поднялся на ноги. — Слушайте, это была ошибка. Спасибо за чай.

— Нет, постойте. Простите, — Питер протянул ему руку. — Я не имел в виду ничего такого. Пожалуйста, позвольте мне помочь.

Джон с минуту пристально смотрел на него и потом опять сел, осторожно вытянув плохо гнущуюся ногу.

— И вы простите. Я слишком резко отреагировал. Просто до смерти устал от того, что все нас считают парой. Он был моим лучшим другом и спас мне жизнь. И я лишь хочу... сделать что-нибудь для него. Что-то, что бы ему понравилось. Я не жду, что моя скрипка сравнится с его Страдом, но... он оценил бы мои усилия. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Он задумчиво посмотрел на Питера. Может, скрипичный фанат-энтузиаст — это как раз то, что ему нужно? Такой своеобразный буфер для первой настоящей вылазки в 221Б?

— Я не был в квартире со дня похорон. Честно говоря, я даже не знаю, там ли еще Страд, но если хотите, можете зайти — на тот случай, если брат моего друга все-таки оставил его бесценную скрипку на месте.

— Что? Прямо сейчас? — Питер чуть не подпрыгнул от нетерпения.

Джон глубоко вздохнул.

— Да. Почему бы и нет?

* * *

Джон остановился посреди лестницы, отыскивая на связке нужный ключ. Не считая пары набегов за вещами, он не был в 221Б со времени смерти Шерлока и до сих пор помнил, как давила тишина, когда он сидел там один. То был одна из худших ночей в его жизни.

Он с извиняющейся улыбкой оглянулся на Питера и удивился выражению его лица. Оно отражало не просто желание увидеть редкую скрипку... здесь было еще что-то.

Джон резко повернулся к мастеру и сжал зубы.

— В чем дело?

— А что? — в голосе Питера звучало удивление. — Не можете найти ключ?

— Вопрос не в этом, — произнес Джон. — Вопрос в том, чего вы хотите.

— Посмотреть на Страдивариуса, — неуверенно и растеряно сказал Питер.

— Нет, — может, Джон и не был единственным в мире консультирующим детективом, но кое-что он схватывал. — Вас интересует не только скрипка. Что еще?

Мгновение казалось, что Питер оскорбился, но потом он ответил:

— Ну, хорошо. Я действительно узнал вас по имени, а когда вы упомянули Страд... я понял, что вы говорите о Шерлоке Холмсе. Но, понимаете, — заторопился мастер. Джон ощутил, что лицо начинает гореть от ярости. — Я тоже знал Шерлока. Куда вы думаете, он ходил покупать струны и канифоль?

Джон тяжело дышал, сражаясь с сильнейшим желанием выгнать вон этого человека.

— Значит, вы поэтому предложили мне помощь? — наконец спросил он. — Хотели что-то разнюхать насчет Шерлока Холмса? Проникнуть в его квартиру? А потом, может, даже продать в газеты о нем какую-нибудь байку?

Он испытал почти облегчение, когда на лице Питера отразился ужас.

— Нет, что вы! Я просто беспокоюсь за его скрипку. Да, признаюсь, мне немного любопытно, я ведь его знал и видел те статьи в "желтой прессе"... ну, я обычный человек, как же иначе? Но, Джон, уверяю вас, я пришел не ради таких низостей. Я просто хочу помочь, чем смогу — не только этой бесценной скрипке, но и моему давнему другу. Ну, может, "друг" — это слишком громко сказано, но мы с ним время от времени говорили о музыке, когда он заходил в мою мастерскую. Мы просто приятельствовали, но клянусь вам, я знал Шерлока. И он даже просил меня о помощи.

На лице Джона отразился откровенный скепсис.

— Вы это серьезно? Шерлок ни от кого бы не принял помощи.

— Ради вас — принял, — очень уверенно заявил Питер. — Вы знаете, что после того, как вы въехали, он приобрел сурдину[2]? Ну, знаете, такую глушилку, которой пользуются новички, когда еще только учатся и играют совершенно кошмарно? Он сказал, что у его нового соседа бывают кошмары, и он не хочет тревожить его сон. Не знаю, часто ли он ею пользовался, раз вы говорите, что он играл среди ночи, но то, что он купил ее — это факт. А это что-то да значит, верно?

Джон в ответ только посмотрел на него, взвешивая слова, выражение лица, позу. В последние три месяца ему слишком часто приходилось иметь дело с надоедливymi идиотами, охочими до сплетен любителями острых ощущений. Он не собирался допускать подобных в 221Б. Для него это были почти священные земли, и он не осквернит их, впуская кого попало. Но Питер, похоже, был искренен, а его история звучала правдоподобно.

— Джон? Это вы, Джон? — услышался с первого этажа голос миссис Хадсон. Джон уже собирался крикнуть в ответ, что это он, но домовладелица уже сама вынырнула из-за угла. — О, хорошо. Я уже отвыкла слышать кого-то наверху и... Питер? Это вы?

— Миссис Хадсон, приятно вас снова видеть. Как ваше бедро?

— Пока держится, дорогой, спасибо за заботу. Вы пришли помочь Джону с его скрипкой?

Джон только и мог, что переводить глаза с одного на другого, как на теннисном матче, но их дружелюбная болтовня убедила его, что Питер говорил правду. Миссис Хадсон явно знала его и хорошо к нему относилась.

— Я хотел показать Питеру скрипку Шерлока. Вы не против?

Миссис Хадсон засмеялась.

— Это ваша квартира, Джон. Вам не требуется мое разрешение.

— Да, но я подумал, может, вы знаете, там ли еще она. Или Майкрофт ее забрал? Домовладелица задумалась.

— Нет, скрипка была на месте, когда я в последний раз заходила. И я не помню, чтобы Майкрофт брал что-то, кроме одежды. Думаю, он хотел, чтобы все оставалось нетронутым, как в музее. Я, в том числе и поэтому, почти ни к чему там не прикасаюсь. Хотя на скрипку я посмотрела: проверила, что она в футляре и не лежит на солнце. Я знаю, что она очень ценная.

— Тогда хорошо, — сказал Джон и толкнул дверь, впервые за долгие месяцы переступая порог 221Б.

Примечание к части

[1] Сокращенно от Страдивари — прим. переводчика

[2] Сурдина (итал. *sordina* от *sordo* — «глухой») — приспособление, применяемое во время

игры на музыкальных инструментах, когда требуется ослабить, приглушить их звучность, или же изменить тембр. Википедия (с) — прим. переводчика

Глава 3

Спустя несколько часов Джон начал усиленно извиняться, что так надолго оторвал Питера от работы, но тот лишь отмахнулся.

— Не глупите, я в жизни бы не променял этот вечер ни на что другое. Мне удалось сыграть на Страдивариусе и отведать лучшие булочки на моей памяти, а еще познакомился с мастером, который отчего-то думает, что ему нужна моя помощь.

Джон улыбнулся.

— Мне действительно нужна ваша помощь. Даже если я и отыщу какой-нибудь "Самоучитель скрипичного дела для начинающих", мне все равно этого будет мало.

— Спасибо, что показали свою мастерскую. Прялки очень впечатляют. Вы сами прядете?

— Чуть-чуть. Пришлось научиться, чтобы иметь возможность проверять механизм.

— Значит, будете учиться и играть на скрипке?

Джон умолк.

— На самом деле я об этом даже не думал. Но, полагаю, да.

Он проводил мастера до входной двери и в нерешительности застыл в холле, подняв взгляд на ведущие вверх ступеньки. Один раз он уже по ним поднялся, и это не было так уж ужасно. Энтузиазм Питера по поводу скрипки смягчил бушующий внутри Джона эмоциональный водоворот. Они с миссис Хадсон немного успокоили его разыгравшиеся нервы.

И тут было нечему удивляться. "Миссис Хадсон знает всех и каждого", — думал Джон, нерешительно поднимаясь по лестнице. В 221Б он остановился посреди гостиной и огляделся, захваченный потоком воспоминаний. В квартире было так неестественно тихо. Раньше, когда Шерлок куда-то уходил, это ощущалось лишь временной передышкой, а не *пустотой*, как сейчас.

Как сейчас.

Джон медленно повернулся вокруг своей оси, внимательно оглядывая знакомую мебель и всякие мелочи. Следы от пуль на стене, череп на каминной полке. Как будто он и не покидал это место. Только воздух был слегка затхлым.

Он медленно и осторожно подошел к скрипке — как будто боялся, что сделает что-то не так и мать закричит на него за то, что он трогает без разрешения. Шерлок относился к своей скрипке очень собственнически, очень ее оберегал. За те восемнадцать месяцев, что они прожили в одной квартире, Джон всего пару раз к ней прикасался.

Открыв футляр, Джон осторожно провел рукой по краю скрипки, ощущая шелковистую гладкость дерева. Хватит ли у него смелости создать подобную красоту? Да такую, чтобы она понравилась Шерлоку?

— Надеюсь, вы не планируете ее продавать.

Джон подскочил на месте. Как этому человеку удастся так тихо передвигаться? Старая лестница даже ни разу не скрипнула!

— Господи, Майкрофт, не надо меня так пугать. Мои нервы уже не те.

Старший Холмс в ответ только неторопливо моргнул, что обычно ему заменяло улыбку.

— Вы хорошо себя чувствуете?

А вот сейчас его явно пытались разозлить. Если не считать краткой встречи, во время которой старший Холмс проинформировал Джона об указаниях насчет арендной платы 221Б, что содержались в завещании Шерлока, они с Майкрофтом не общались с того самого вечера перед смертью детектива, и Джон очень бы предпочел, чтобы все так

и оставалось.

— Не особенно. А вы?

— Насколько это возможно в моем положении, — холодно произнес Майкрофт. — Вижу, вы съехали из своего хостела. Мудрое решение. Он был ужасен, даже хуже того, где вы жили, когда мы с вами впервые встретились. Это означает, что вы теперь снова живете здесь?

— В 221 С, — коротко ответил Джон.

Майкрофт фыркнул.

— Что ж, полагаю, это шаг в правильном направлении, если вас не раздражает плесень на стенах.

— Майкрофт, чего вы хотите?

— Я лишь интересуюсь, чего вы хотите от скрипки моего брата. Мне показалось подозрительным, что вы привели сюда скрипичного мастера, и я пытаюсь понять, зачем вы это сделали.

Джон растерялся.

— Каким образом я мог бы ее продать? Даже если бы я хотел, она не моя.

— О, разве я вам не говорил? Она — ваша, — вот теперь Майкрофт действительно улыбался, пусть эта улыбка и лучилась самодовольством.

— Моя... что?

— Вы — главный бенефициар моего брата, Джон. Неужели я забыл об этом упомянуть? Да, при желании вы можете продать и его Страдивариуса, и научное оборудование, и даже сдать в комиссионный его костюмы. Уверен, вам предложили бы за них немалые деньги — хотя не то, чтобы вы в них нуждались, конечно. Шерлок обладал хорошим трастовым фондом, и его более чем достаточно, чтобы покрыть ваши нужды.

Джон смотрел на Майкрофта во все глаза.

— Простите... вы хотите сказать, что Шерлок оставил мне все, чем владел? В своем завещании?

— Традиционный метод, — ровно произнес Майкрофт. — Хотя, зная своего брата, я бы не удивился, если бы он нашел какой-то другой способ.

— И почему я узнаю об этом только сейчас? — Джона вновь чуть не унесло потоком противоречивых эмоций. Шерлок вспомнил его в своем завещании? Уже одно это стало для Джона шоком — если уж кто и собирался жить вечно, так это Шерлок Холмс, а он, оказывается, планировал так далеко вперед... что само по себе было достаточно удивительно. Но... оставить все свое имущество Джону? Соседу, человеку, которого он знал меньше, чем полтора года?

Джон рухнул обратно в кресло — он был не в состоянии переваривать новопоступившую информацию и одновременно удерживаться на ногах. Майкрофт продолжал что-то ему объяснять, но слова проскальзывали мимо его сознания. Он не слушал. Только смотрел во все глаза на пустое кресло Шерлока и пытался осознать, что тот сделал. Мало того, что отдал свою жизнь за Джона, так еще и оставил ему *все, что у него было*.

Лишь когда голос Майкрофта внезапно затих, Джон осознал, что его щеки мокры от слез. Он торопливо вытер лицо и попытался ответить на первоначальный вопрос.

— Я ни за что бы не продал скрипку, я просто хотел... мне нужно было ее увидеть, убедиться, что она хранится правильно. Шерлок достал бы меня из могилы при одной мысли, что я плохо обращаюсь с его Страдом. Я пошел к скрипичному мастеру... спросить совета, а Питеру очень захотелось увидеть скрипку, и я привел его на нее посмотреть.

Но, господи Боже, конечно, я не собираюсь ее продавать.

"Совсем наоборот, — подумал Джон. — Я хочу сделать ей младшего брата, и тогда здесь будут уже две скрипки, ждущие Шерлока". Он снова потер лицо. Господи, о чем он вообще думает?

Он поднял глаза и увидел, что Майкрофт изучает его с задумчивым выражением лица.

— Вы что-то не договариваете. Я знаю, что вы вернулись сюда жить, но судя по пыли и вашим напряженным плечам, до сегодняшнего дня вы сюда ни разу не заходили.

— Не заходил, — со вздохом подтвердил Джон. — Я ведь уже сказал, что на данный момент я оккупировал 221С. Я не был готов увидеть... все это... раньше. И до сих пор не готов, если честно. Я удивлен, что вы здесь появились.

Если Майкрофт и понял намек, что после смерти Шерлока его здесь не ждут, то проигнорировал его и сосредоточился на цели своего визита.

— А скрипичный мастер? Зачем вы к нему пошли, если не собираетесь продавать скрипку?

— Я уже сказал. Я нуждался в совете, — Джон спокойно встретился с ним взглядом. Жаль, что глаза все еще жгло от слез.

— По поводу чего? Скрипки не требуют кормления и ухода. Тут есть что-то еще, — уверенно произнес Майкрофт, и его тон так напомнил Шерлока, вычислившего что-то своей дедукцией, что Джону стало больно.

Он вздернул подбородок.

— Просто один проект, над которым я продолжаю работать. Вас это не касается.

— Вы ночуете в своей мастерской и ходили к скрипичному мастеру за советом, — задумчиво проговорил Майкрофт. Долгий миг он, казалось, смотрел доктору прямо в душу, и потом коротко кивнул. — А, ясно. Но возникает новый вопрос: почему вы решили, что мой брат пожелал бы, чтобы вы сделали для него скрипку?

Джон только покачал головой. Его не переставало поражать и изумлять, как братья Холмс умудрялись выхватывать суть дела буквально из воздуха.

— Едва ли у меня есть шанс услышать такое пожелание, особенно сейчас, когда он мертв, но что еще я могу сделать? Он убил себя, чтобы спасти мою жизнь, Майкрофт, и я только сейчас об этом узнал. Я и так в ярости за то, что он ушел без меня, а теперь еще вы говорите, что он оставил мне все, что у него было... И не думайте, что я не зол на вас, что вы столько времени об этом молчали.

Он вскинул руку, на корню пресекая любые объяснения, которые Майкрофт мог бы пожелать ему предоставить.

— Единственное, чего я хочу — это хоть как-то обрести душевный покой. Я не могу... Моя жизнь сейчас... Мне нужно чем-то занять себя. И я должен найти способ как-то примирить то, что Шерлок сделал *ради меня*, с тем, что он сделал *со мной* — потому что не обольщайтесь: снайпер или не снайпер, но прыжок Шерлока меня почти уничтожил.

Майкрофт молчал, позволяя ему бессвязно перескакивать с одного на другое.

— И вы считаете, что, если вы сделаете скрипку, это поможет?

Джон пожал плечами.

— Во всяком случае, не повредит. Шерлок *любил* свою скрипку и играл на ней, помоги мне Боже, целыми днями. Это помогало ему думать, помогало разобраться в своих мыслях и чувствах. Скрипка была частью его самого — и одной из очень немногих вещей, которые он любил со всей страстью. Я хочу... мне нужно...

— Почтить через свое мастерство его память, — закончил за него Майкрофт и посмотрел задумчивым взглядом.

— Да, — длинно выдохнул Джон. — Я знаю, как это глупо звучит. Шерлока уже нет, и Бог знает, что мне ни за что не создать инструмент, сравнимый со Страдивари, так что Шерлок, наверное, все равно не стал бы на нем играть, но... просто это кажется правильным. Или, во всяком случае, самым близким к этому определению. И мне все равно нужно найти себе какое-то *дело*.

Майкрофт смотрел на него, покачиваясь с носка на пятку и опираясь на зонт. Джон осознал, что с тревогой ожидает его вердикта. Сочтет ли брат Шерлока, что детектив бы действительно оценил скрипку Джона? Или просто посмеется над пустой тратой времени?

Тем не менее, после довольно долгой паузы, Майкрофт кивнул.

— Полагаю, мой брат встретил бы аплодисментами найденный вами способ приложения своих талантов. И не стоит недооценивать ваше мастерство, Джон. Вы знаете, что у меня в кабинете стоит одна из ваших прошлых работ?

Джон заморгал. Просто шок за шоком.

— Правда? И когда вы...

— Я хотел кое-что у вас заказать, — Майкрофт натянуто улыбнулся. — Но потом подумал, что Шерлок может быть против, и провел сделку через одного из своих ассистентов. Но я говорю о другом: вы очень квалифицированный мастер. Разумеется, создание скрипки требует некоторых специфических навыков, но я не сомневаюсь, что вам вполне по силам создать качественный инструмент. И даже с нетерпением буду ждать результата ваших усилий, чтобы посмотреть на него и послушать.

— Не знаю, что и сказать. Я безусловно ценю ваш вотум доверия, но с другой стороны, услышав подобное, Шерлок бы мгновенно возненавидел саму идею, — с едва заметным смешком сказал Джон.

Майкрофт тоже хихикнул.

— Да, порой он бывал весьма несговорчивым. Наверное, это одна из черт, по которой я больше всего скучаю.

Джон кивнул.

— Я сам сейчас вспоминаю его грубости с куда большей нежностью. Хотя совершенно не скучаю по частям тела в холодильнике.

— Да, могу себе представить, — Майкрофт с минуту еще молчал, потом кивнул. — Что ж, хорошо. Держите меня в курсе насчет своего проекта.

— Хорошо. На это потребуется некоторое время. Мне определенно придется многому научиться.

— Я верю в вас, Джон.

Тот удивленно посмотрел на старшего Холмса.

— Верите? Серьезно? Тогда вы выбрали странный способ это показать.

— Возможно, это оттого, что вы не перестаете меня удивлять, Джон. Люди в большинстве своем очень предсказуемы. Легче легкого научиться предсказывать чужие реакции и даже составлять графики с предполагаемым поведением. Но вы упорно ломаете все стандарты. Возможно, я действительно порой не оказывал вам доверия, но это было связано с тем, что мне не хватало информации. Сейчас я пришел к пониманию, что вы поистине выдающийся человек, Джон Ватсон. Я перестал вас недооценивать, хотя боюсь, уже слишком поздно.

Джон на мгновение поверил, что стены угрожающе зашатались. (Шок шел буквально за шоком).

— Слишком поздно?

— Для нас. Для наших собственных отношений, не через Шерлока.

— И вы... с чего бы вам этого вдруг хотеть, Майкрофт? Мы с вами никогда не были особо дружны...

Старший Холмс в ответ только моргнул и уставился на свой зонтик.

— Не были, но раньше это все равно было бы невозможно. Шерлок временами бывал удивительно ревнив, он бы никогда этого не принял.

— Под "раньше" вы имеете в виду, до того, как вы его предали, — ровно произнес Джон.

— Вы в это верите?

Джон недоуменно моргнул. В голосе Майкрофта сквозила неуверенность.

— Не поверил бы, — наконец сказал он. — Если бы вы это не подтвердили. Я считал, что скорее падет империя, чем вы причините своему брату боль. Вы сами сказали в нашу первую встречу, что за него беспокоитесь. И я никогда еще не встречал человека, который бы так стремился защитить своего брата.

Майкрофт посмотрел на него из-под ресниц.

— И вы считаете, что я подтвердил предательство?

— А это не так? — Джон попытался вспомнить, что говорилось в тот вечер, но жестокая реальность прыжка Шерлока практически поглотила все открытия клуба "Диоген". — Вы сказали, что передавали информацию о нем Мориарти.

— Да, так и было, — согласился Майкрофт. — Но, может, вам стоит спросить себя, почему я так поступил — почему передал эти сведения клиническому безумцу, одержимому жаждой мести моему брату — и вам. И не могло ли случиться так, что мы с Шерлоком пытались обратить игру Мориарти против него самого.

— Вы и... но Шерлок мертв, — Джон слышал в собственном голосе тяжелый вес недоверия. Если бы Майкрофт с Шерлоком — самые гениальные люди из всех, кого он только знал — если они бы объединились против Мориарти, разве они бы не выиграли?

— Да. Несмотря на все мои усилия, — сказал Майкрофт, и Джон увидел в его глазах боль. — Не каждую игру можно выиграть, хотя я полагаю, Шерлок счел бы вашу продолжающуюся жизнь качественным успехом.

Джон только покачал головой.

— Ни по каким стандартам не могу себе такого представить. Я сделал бы что угодно — абсолютно все, что угодно — ради безопасности Шерлока.

— Вы действительно считаете, что его жизнь ценнее, чем ваша? — спросил Майкрофт и нахмурил лоб, словно уже знал ответ, но хотел выяснить, известен ли он Джону.

— Вы же знаете, что да, — ответил Джон. — Как и вы. И что можно сказать о нас с вами, если мы сейчас здесь ведем беседу, а Шерлока больше нет?

— Я не знаю, Джон. Сомневаюсь, что он стал бы уж так сильно меня оплакивать, но правда состоит в том, что вашу жизнь, жизнь миссис Хадсон, и детектива-инспектора Лестрейда Шерлок поставил выше своей собственной, — Майкрофт на мгновение умолк, его лицо приняло отстраненное выражение. — Я полагаю, это не вопрос ценности чьей-то жизни. Я просто... никогда не испытывал такой гордости за своего брата.

Не в силах произнести ни слова, Джон сумел лишь кивнуть. На него вновь нахлынуло чувство потери. Шерлок был лучшим человеком, какого он знал за всю свою жизнь.

* * *

После этого разговора, удивительно граничащего с катарсисом, Джон плотно занялся своим новым проектом. Он окунулся в свою затею с целеустремленным рвением,

достойным самого Шерлока, и изучал все, что попадалось ему под руку в отношении скрипок. Питер (ставший ему верным другом) с радостью одалживал и рекомендовал ему целыми пачками книги и видео.

Джон всегда ценил красоту скрипок, но никогда не задумывался о том, как их делают, и сейчас его буквально заорожила сложность создания этого инструмента. Это был настоящий вызов. По десять раз в день он находил "скрипичные" интересные, которыми ему очень хотелось поделиться с Шерлоком, и он задумывался, насколько сам друг вообще знал, каким образом его любимая скрипка производит столь изысканные звуки музыки. (Тот факт, что она оставалась совершенно целой и никогда не использовалась для экспериментов, уже сам по себе доказывал преданное отношение Шерлока, хотя Джон бы не удивился, если бы Шерлок разобрал на части обычную фабричную скрипку, дабы изучить ее конструкцию).

И чем больше он узнавал об этом, тем сильнее ощущал близость с Шерлоком — сильнее, чем все последние месяцы. Они никогда не обсуждали музыку (не считая просьб Джона перестать мучить скрипку посреди ночи), но сейчас он заново ее переоценивал. Садясь читать, он включал себе CD-диски со скрипичной классикой и вскоре обнаружил, что начинает прислушиваться к живому звучанию, а не просто к нотам.

Кроме того, он стал брать уроки игры на скрипке. Он знал, что виртуозом ему не быть — пальцы слишком толстые и слишком мозолистые — но ему хотелось иметь возможность сыграть на своей скрипке, когда он ее закончит. Кроме того, теперь зная, как важно для инструмента, чтобы на нем играли, Джон считал, что Страдивариус Шерлока заслуживает, чтобы его хоть иногда вынимали из футляра. Пусть он в глубине души и чувствовал себя виноватым за то, что своей плачевной игрой подвергает эту великолепную скрипку несправедливому испытанию.

Но больше всего времени Джон проводил за изучением различных видов дерева, клея и лаков, а так же техники обработки. На эту тему даже нашлись видео. И через некоторое время он решил, что готов приступить к делу. В конце концов, таким образом можно было изучать искусство всю жизнь, а его цель состояла не в этом. Да и самому Шерлоку захотелось бы побыстрее получить новую скрипку.

Джон вздохнул. Если бы только можно было надеяться, что это правда.

Глава 4

Десять месяцев спустя

— Джон? Ты внизу?

Джон вздохнул, не отводя глаз от выгибаемой им кленовой планки.

— Да! — отозвался он, хотя терпеть не мог, когда его отвлекали. Днем он ходил помогать Питеру в его мастерской. Тот счел, что Джон уже набрался опыта и сможет научиться большому, если будет работать с полноценными скрипками, а не просто конструируя свою собственную. Джон в этом сомневался, но, придя в мастерскую, понял, что ему нравится работать в компании. Да и, учитывая, сколько Питер ему помогал, можно было поработать у него и бесплатно. В итоге Джону просто не терпелось заняться собственной скрипкой, и он даже не поднял головы, когда на лестнице раздались шаги.

— Прости, что побеспокоил... ну и ну!

Затянув струбцину, Джон выдохнул и наконец посмотрел на стоящих в дверях Салли и Грега.

— Привет, как жизнь? — поинтересовался он.

— Мы... ну ничего себе! Впечатляет. Когда я в последний раз заходил, здесь было все уставлено мебелью.

Джон с любовью оглядел свою мастерскую. Рабочий стол был завален нотами и эскизами скрипок. На форме уже "сидела" парочка обечаек*, и Джон в данный момент готовил вторую партию. На стуле высилась кипа справочников, которые он собирался вернуть Питеру, а из стереодинамиков рвал воздух бетховенский "Концерт для скрипки с оркестром ре мажор".

Салли шагнула вперед, ее лицо зажглось любопытством.

— Вы говорили, чем собираетесь заняться, но это просто удивительно.

Джон кивнул и, отступив в сторону, слегка потянулся.

— Выглядит бедламом, я знаю.

— Нет, — выдохнула она. — Это прекрасно. Хотя мне не хватает веретен.

Джон фыркнул.

— Ну, тут вам винить только саму себя. Это ведь изначально была ваша идея, помните?

— Я только предложила вам сделать что-то, что ему бы понравилось. Я не говорила, что вам нужно полностью поменять свою индивидуальность, — сказала Салли и посмотрела на Грега, который по-прежнему глазел на окружающую обстановку.

— Этого и не случилось, — дружелюбно возразил Джон. Вот уже несколько недель, как он не виделся ни с Салли, ни с Греггом, а на Бейкер-стрит они не приходили с той самой ночи около года назад, когда все изменилось. Почти каждый месяц они вместе встречались в баре, тщательно следя, чтобы не касаться в разговоре Шерлока, и собираться в 221Б никому не хотелось. Сам Джон перебрался в квартиру только пару месяцев тому назад, устав наконец стряхивать с простыней опилки. Он убрал в комнату Шерлока почти все его вещи, чтобы облегчить себе жизнь, но все равно большую часть времени проводил внизу, в мастерской.

— Ну конечно, Джон Ватсон, которого я знала, всегда любил слушать... это... Моцарта, — поддразнила Салли.

— Бетховена, — поправил Джон. — И я действительно привык слушать классику, а особенно скрипку. Что интересно, сейчас я слушаю ее совсем по-другому. Уши как будто

настроены именно на звук инструментов, а не саму музыку, и я иногда думаю: что, если бы я таким образом слушал импровизации Шерлока? Облегчило бы это мою жизнь или, наоборот, ее усложнило?

— Он очень хорошо играл, — неловко сказал Грег. — Когда хотел.

— В этом-то заковыка, — согласился Джон. — Особенно в четыре утра. — Он глянул на рабочий стол, прикидывая, сколько у него времени, прежде чем дерево снова нужно будет нагреть. — Как насчет чашечки чая?

Грег глянул на Салли и переступил с ноги на ногу.

— Мы не хотим тебе мешать. Но ты ведь можешь поработать, пока мы разговариваем?

Джон сверкнул благодарной улыбкой.

— Да, я бы предпочел перед уходом дожать обечайки.

Салли с любопытством взглянула на упомянутые части.

— Это боковины?

— Да, они называются обечайки, — кивнул Джон. — Сначала их нужно правильно изогнуть, а потом прижать струбцинами к вон такой штуке, чтобы придать точную форму. Потом вырезается верхняя и нижняя деки, пружина и эфы. От формы открепляются обечайки, и все вместе склеивается.

— Вы говорите как специалист, — заметила Салли. — А ведь заинтересовались этим делом только...

— Только в тот вечер, когда вы зашли ко мне в хостел, — подтвердил Джон и сосредоточил внимание на деревянной планке в своих руках. — Но поверьте, мне еще многому предстоит научиться.

— И на одном экземпляре ты, похоже, не остановился, — ухмыльнулся Грег и снова глянул на разложенные по всей мастерской части скрипок.

— Остановись я на первой, Шерлок достал бы меня с того света — и еще играл бы на ней в качестве наказания. Я хочу почтить его память, а первый вариант получился просто ужасным. Но, как говорила моя матушка, первый блин всегда комом, и к следующему ты уже ошибок не повторяешь.

— Значит, ты скрипки печешь, как блинчики? И сколько у тебя уже их "спеклось"?

— Четыре, — сообщил Джон, — И с гордостью могу сказать, что с каждым разом они получаются все лучше. Последнюю Питер даже продал в своем магазинчике. Наверняка, какому-нибудь студенту, который не будет придирается к звучанию, но все равно для меня это достижение.

— К звучанию?

— Да, это интересный момент, — сказал Джон. — У каждой скрипки имеется свой характер — и у моих он пока не сахар. Это только кажется, что они все одинаковы. Мне даже не перечислить всего, что влияет на скрипичный голос — само дерево, резка, форма и даже лак. Теперь я понимаю, почему это такая узкоспециализированная область — и почему скрипки Зигмунтовича уходят за 50 тыс. фунтов. Научиться основам совсем не трудно, но вот сделать *точно*, как надо? Это настоящий вызов.

— Вы нашли себе новую карьеру... еще раз, — тепло улыбнулась Салли.

— Я бы не сказал, что совсем новую. На самом деле, это как дополнение к моему хобби, и не то, чтобы оно помогало оплачивать мне счета... но да, что-то вроде карьеры, — Джон опустил взгляд на предмет своей работы и провел рукой по волосам. — Вот что, обечайки могут и подождать. Вы... как насчет того, чтобы подняться в квартиру? Я с удовольствием приготовлю нам по чашечке чая.

Ярдовцы посмотрели друг на друга и кивнули.

— Да, мы не против, — ответил Грег. Джон кивнул и повел их наверх по лестнице.

В 221Б они расселись и продолжили разговор, стараясь не упоминать, как изменилась квартира с того момента, когда они в последний раз все втроем в ней присутствовали. Наконец Грег заговорил о том, ради чего они с Донован собственно сегодня пришли.

— У нас есть дело, кое-чем похожее на то, что однажды расследовали вы с Шерлоком... и я подумал, может, ты на него взглянешь?

— Я? — искренне удивился Джон. — Мне казалось, Скотланд-Ярд теперь твердо настроен против любых консультантов. А особенно тех, кого зовут Джон Ватсон.

Грег чуть пожал плечами.

— И да, и нет. В отношении обычных дел — да, но, что касается тех, где у тебя могут оказаться определенные сведения, способные нам помочь, то почему бы и нет? И ты ничем не отличаешься от всех прочих, кто нас консультирует.

— То есть, если у вас появится серийный убийца со скрипками...

— ... ты станешь одним из нас. Совершенно верно.

Джон вздохнул, но где-то в глубине души у него затеплился крошечный огонек интереса. Прошлый год был очень спокойным и тихим. Как только Шерлоку вернули доброе имя, а он сам занялся своим "Великим скрипичным проектом", жизнь стала меняться к лучшему. Он даже перестал скучать по адреналину. Эту его зависимость дотла сожгло горе, а сегодняшняя жизнь, которую трудно было назвать непредсказуемой и захватывающей, оказалась намного лучше, чем он мог даже представить себе год назад. Она напоминала долгий, ленивый воскресный вечер. Да, без захватывающих приключений, ну так... ему их хватило на всю жизнь, ведь так?

И все же слова Грега вызвали в нем толчок забытого ощущения — этаким смеси интереса и адреналина.

— И что за дело?

* * *

Несмотря ни на что, Джону удалось в четвертый раз начать жизнь заново. Сначала была жизнь с отцом-мебельщиком, с которой он родился — та, в которой он вел бы тихую, спокойную жизнь плотника без малейшей жажды адреналина. Рак отца забрал у него эту жизнь, и Джон стал врачом. Отправился в армию, чтобы принести как можно больше пользы... и эту жизнь вырвала у него пронзившая плечо пуля.

А после жизни с Шерлоком Холмсом — яркого, переливающегося калейдоскопа, доверху наполнившего изголодавшуюся душу Джона, ему осталась только черная, тоскливая имитация.

Потому что, честно сказать, он даже не представлял, насколько пустой была его жизнь, пока всепоглощающая дружба с Шерлоком не наполнила теплом и разноцветьем все ее темные, пустые, одинокие уголки. Даже влюбись он без памяти — это не изменило бы его жизнь настолько, как дружба, начавшаяся с лаборатории Бартса и одолженного телефона.

Он сам виноват, что построил третью вариацию "Жизни Джона Ватсона (в ре мажоре)" исключительно вокруг Шерлока Холмса, потеря которого практически уничтожила все, что у Джона оставалось. К моменту, когда друг на его глазах шагнул с крыши, Джон целых восемнадцать месяцев жил и дышал Шерлоком Холмсом. Он давно уже не работал в клинике, за неимением времени почти не встречался с однополчанами, и Бог знает, сколько месяцев не имел успешного свидания. Он с глупой радостью

позволил Шерлоку заполнить всю свою жизнь без остатка.

Что вылилось теперь в огромную пустоту, которую Джон представить себе не мог, как заполнить.

Поэтому это новое... он не мог назвать его приключением, ибо ничто в этой отчаянной попытке выбраться из глубин бесцельности существования, из глубины потери Шерлока, невозможно было назвать этим словом. Наверное, можно было бы сказать, что это история выживания, но есть разница между тем, чтобы существовать: дышать, ходить, разговаривать, и жить на самом деле. Или, тем более, преуспевать. Но, как ни назови эту новую... миссию, она сумела удивить Джона. То, что начиналось, как попытка создать, несмотря на сложность, что-то вроде поминального подарка в честь погибшего друга, стало как будто фундаментом его новой жизни. Пусть окрашенной уже более бледными, пастельными цветами, но, по крайней мере, эта жизнь не была уже серо-черной — во всяком случае, полностью. Как и полностью одинокой.

Хотя не то, чтобы он в последнее время ходил на свидания. И не только потому, что его свободное время занимала сейчас работа, но еще и потому что он не имел на это душевных сил. Примерно раз в месяц он ходил пропустить по кружечке с Грегом и Салли, которые периодически спрашивали у него совета по каким-то расследованиям (хотя Джон порой задумывался, не из жалости ли они это делают), изредка встречался со своими бывшими сослуживцами и обедал с Гарри — этим и ограничивались все его связи с прошлой жизнью (или, точнее, жизнями).

Большую часть времени он работал со скрипками и прочими струнными инструментами в мастерской Питера. Кроме того, он общался и с другими скрипичными мастерами, обсуждая с ними все: от поставщиков древесины и до редких рецептов лака.

Он пожалел (и уже не впервые), что Шерлок при сем не присутствует. Друг со свойственным ему научным подходом с радостью бы протестировал все варианты древесных пород и лака, изучил всех поставщиков дерева и варианты резки... ну, в общем, все, что только может прийти в голову. Он бы составлял огромные таблицы со всевозможными данными: какое дерево лучше подойдет для колок, у кого лучше покупать доски для дек и чем вырезать краевую канавку. Может, они бы даже вместе работали над этим проектом. Возможности были буйно, восхитительно бесконечны.

Ибо Джон никогда не забывал, с чего он начал этот проект. Как бы сильно он ни наслаждался своими новыми друзьями и навыками, пусть даже создание скрипки открыло ему целый мир там, где он и не ожидал... все равно это бледнело в сравнении с миром, где жил Шерлок. Джону не хватало споров, которые они могли бы вести про скрипки — от научных аспектов конструирования до исполнительской стороны вопроса. Ему не хватало живущего под боком эксперта, которого всегда можно спросить при необходимости. И временами ему становилось больно при мысли, что Шерлоку не суждено сыграть на какой-нибудь из его скрипок — да, он наконец признал, что одноразовым его проекту не быть. Он подсел на это, его повязало скрипичными струнами и сантиментами к той единственной вещи, что вернула ему хоть какую-то цель в жизни и помогла создать Джона Ватсона версии 4.0.

Его собственная игра могла бы стать максимум средней, да и то в лучшем случае. Учитывая афганскую пулю, частично лишившую его тонкой моторики, и тот факт, что, в отличие от друга, он не обладал длинными изящными пальцами, было понятно, что уровень Шерлока тут просто недостижим. Хотя, как Джон обнаружил в процессе, играть на скрипке ему нравилось. С тех пор, как он прошел стадию кошки-которую-дергают-за-хвост, миссис Хадсон часто приходила его послушать.

Вместе с Питером и другими скрипичными мастерами, с которыми он за прошлый год

тоже сдружился, Джон стал ходить на концерты. В отличие от Шерлока, он никогда особенно не любил классическую музыку, но она как-то пробиралась ему под кожу — пропитывала, как лак новорожденную скрипку, превращавший мертвый кусок дерева в живой сосуд для Музыки с большой буквы. Это не могло, да и не заменяло азарта погони за преступниками, но давало гораздо больше удовлетворения, чем он мог надеяться, когда... когда потерял лучшего друга.

Несмотря ни на что, Джону удалось выстроить для себя новую жизнь, и ничего, что теперь она уже не была такой яркой и азартной, как раньше. Он пережил свои "золотые деньки" и теперь конструктивным образом создавал прекрасную вещь. Но об этом было сказано достаточно... разве нет?

Примечание к части

* Обечайки объединяют нижнюю и верхнюю деки, образуя боковую поверхность корпуса скрипки. Их высота определяет объём и тембр скрипки, принципиально влияя на качество звука: чем выше обечайки, тем звук глуше и мягче, чем ниже — тем пронзительнее и прозрачнее верхние ноты. Обечайки изготавливаются, как и деки, из древесины клёна. (с) Википедия - прим. переводчика

Глава 5

Восемь месяцев спустя

К удивлению Джона, Майкрофт продолжал проявлять интерес к его скрипичному проекту. Доктор был уверен, что после смерти Шерлока он исчезнет из сферы интересов старшего Холмса, но тот, похоже, был серьезно настроен завести что-то вроде дружбы с лучшим другом своего брата.

Выходя от Питера, Джон периодически обнаруживал, что его поджидает черная машина — и со вздохом садился в нее. Сейчас, по крайней мере, Майкрофт уже не затаскивал его на пустые склады. Чаще это бывал какой-нибудь ресторан, где они в довольно неловкой атмосфере поглощали пищу. (Джон так и не пришел к единому мнению: то ли Майкрофт не умел вести непринужденные разговоры, то ли просто беспокоился, что Джон недостаточно хорошо питается). Однажды его даже привезли на сольный скрипичный концерт в церковь Святого Мартина "что на полях"[1].

При этом Майкрофт ничуть не реже появлялся на Бейкер-стрит — обычно он приходил в 221Б, но несколько раз, движимый любопытством, спускался и в мастерскую. Он смотрел, как продвигаются дела со скрипками, и чуть себе улыбался. Джон не представлял, какое может быть старшему Холмсу до этого дело, но ценил эти едва заметные знаки одобрения. Вот почему он решил, что в ночь, когда он закончит скрипку Шерлока, при этом должен присутствовать Майкрофт.

Со смерти детектива минуло уже почти два года — и больше восемнадцати месяцев, как Джон начал свой скрипичный проект. Инструменты с каждым разом получались у него все лучше и лучше, и он возлагал на свою последнюю, седьмую скрипку большие надежды.

"Она получилась из самых красивых", — подумал он. Обработка мелкой "наждачкой" добавила лакированной поверхности глубины — Джон впервые опробовал этот способ. Он наткнулся на него при интернет-поиске и, в отличие от прочих интересных мелочей, этот рецепт сразу показался ему интересным. Он читал высказывание Зигмунтовича, что именно при нанесении лака скрипка "проходит границу между мертвым и живым созданием" — и к своему вящему изумлению, Джон обнаружил, что это правда. Он, конечно, знал по своим старым работам, что лак приносит заметные изменения, но никогда до такой степени, как с музыкальными инструментами. В отличие от других вещей из дерева, они были в каком-то роде живыми. Джон не понимал этого, но научился уважать.

И тем больше причин было для него трястись над скрипкой Шерлока... а Джон питал большие надежды, что данный инструмент может ею и стать. Глубокий цвет (самая темная еловая древесина, какую он смог только отыскать) отражал глубину души детектива, которую тот так хорошо ото всех скрывал. Гриф Джон сделал из черного дерева — с угольно-черной, как пальто друга, отделкой и красными кольцами на колоках. И пока он выдалбливал изнутри деки, будущая скрипка словно сама напоминала, чтобы он следил за каждым своим движением. Будто сам Шерлок наблюдал через плечо за его работой.

Если эта скрипка зазвучит так, как Джон надеялся, она станет наконец той самой, ради которой он все затевал.

Полируя ее тряпочкой, Джон с волнением размышлял, почему именно она. Он собирался и дальше продолжать делать скрипки, но его главной целью было почтить память Шерлока, и он нутром чуял, что в отличие от шести предыдущих, эта скрипка

будет *шерлоковой*.

Если он только не сделает ошибки. Если не испортит ее. Если ее голос не окажется таким же сломленным, как и создававший ее человек.

Мысленно встряхнувшись, Джон отложил ткань и потянулся за струнами. Привычными движениями он натянул их на гриф и произвел быструю настройку (процесс, которому он учился едва ли не дольше, чем собственно делать скрипки).

Сделав глубокий вдох, он поднял смычок и медленным, долгим взмахом провел по струнам, изо всех сил напрягая слух в преддверии звучания, голоса инструмента.

И он оказался очень приятным. Чистый и гармоничный, но с глубиной души, которой как раз не доставало всем предыдущим. "Ее просто невозможно определить", — подумал Джон. Душа инструмента (за неимением лучшего выражения) — это было нечто таинственное и эфемерное, но у хорошего — а Джон поиграл уже на достаточном количестве ужасных и прекрасных скрипок, чтобы знать разницу — она была. Глубокая, как голос Шерлока, сильная, как его личность и обладающая еще чем-то неопределимым, чему Джон даже не мог дать название, но что ее оживляло. Эта скрипка "работала" не так уж гладко, но это тоже соответствовало скрипке Шерлока — человека, который просто обожал вызов.

Она была идеальна. Во всяком случае, настолько, насколько это было подвластно Джону.

Другу не суждено было на ней сыграть, он это понимал. У Шерлока не будет возможности над ней понасмешничать или притвориться, что она ему нравится (или на самом деле ее полюбить?) Как и поблагодарить за нее (хотя Джон с трудом мог себе такое представить, даже если бы Шерлок и не был мертв) Но... это была скрипка Шерлока. Скрипка, которую Джон так хотел сделать для своего друга.

Джон вспомнил прошлое ужасное Рождество, и после пары неуверенных аккордов, его пальцы сами перешли к "Старой дружбе"[2]. Он играл медленно, но не от недостатка умения, а из-за того, что эта песня выражала его горе по другу — по человеку, которого он не желал забывать. Которого он забыть бы не смог.

Когда он закончил, в его глазах были слезы, а душу переполняли эмоции. Скрипка безусловно была самой лучшей из тех, что он сделал, и Джон подумал, что Шерлок мог бы ею гордиться. Ну, или, по крайней мере, не разломать ее на растопку. Хотя, справедливости ради, Шерлок всегда удивительно поддерживал "деревянное" хобби Джона, и доктору нравилось думать, что тот поддержал бы и его "скрипичное".

В котором, собственно, и был главный смысл.

Джон аккуратно положил скрипку и закрыл лицо руками. Конечно, он еще отнесет скрипку Питеру, чтобы узнать его мнение, но... да. Да. Это скрипка Шерлока. Он просто знал это.

У него получилось. Джон испытал почти непереносимое облегчение. Теперь уже было неважно, будет ли улучшаться его мастерство и последующие скрипки — самая главная, основной смысл его стараний, лежала сейчас здесь.

Немного придя в себя, Джон поднял от рук голову и осознал, что он не один. В дверном проеме стоял Майкрофт, а позади маячила, цепляясь за его рукав, миссис Хадсон.

Он понятия не имел, сколько они уже там стоят, и на мгновение смутился, но потом осознал, что это глупо. Присутствие единственных на планете людей, которые тосковали по Шерлоку, было сейчас абсолютно правильным. Они оба знали, как этот момент важен для Джона. И, как доктору думалось, они знали, как важны были бы эти минуты для Шерлока.

Блеснув глазами, Джон не произнес и слова. Только поднял смычок и заиграл "Простые дары" Аарона Копленда — веселую мелодию, напоминавшую, что жизнь продолжается и надо благодарить Бога за то, что имеешь.

Когда он закончил, миссис Хадсон уже открыто плакала, и даже у Майкрофта глаза как-то подозрительно блестели. Вот теперь Джон действительно смутился.

— Я же не так плохо играю? — спросил он, пытаюсь поднять настроение.

Миссис Хадсон только покачала головой и вошла в квартиру, миновав старшего Холмса. Она аккуратно забрала у Джона скрипку, положила ее на стол и обняла доктора.

— Это было прекрасно, Джон. Абсолютно изумительно. И это...

Он кивнул.

— Наверное, она не так уж хороша, но да. Это скрипка Шерлока.

Миссис Хадсон ласково потянулась к нему.

— Не знаю, о чем ты говоришь, Джон Ватсон. Она прекрасна. Шерлок бы ее обязательно полюбил.

Джон пожал плечами — ему было неловко от такого внимания, таких эмоций. Разве не пора кому-нибудь предложить чай?

— Возможно, она не так хороша, как его Страд, но я надеюсь, ему бы понравилось.

Майкрофт подошел к ним и, взглядом попросив разрешения (!), отработанным движением вскинул инструмент к подбородку. Взял смычок и приложил его к струнам. Как и Джон, он сделал глубокий вдох и заиграл нечто Джону почти знакомое. Может быть, "Реквием" Моцарта? (Ценить музыкальную классику Джон научился, но вот постичь принцип, по которому композициям давали названия, до сих пор давалось ему с трудом — каждое второе название практически повторялось). Что бы ни играл сейчас Майкрофт, его музыка звучала горестно и печально, но в ней была и небольшая надежда.

Джон пытался слушать именно скрипку, не ноты, но у него ничего не вышло. Он даже не представлял, что Майкрофт умеет играть — и безусловно намного лучше Джона, а сейчас, когда тот играл на скрипке Шерлока... нет, ему определенно нужен чай.

Майкрофт опустил скрипку, и Джон задержал дыхание. Насколько паршиво у него получилось? Ибо пусть эта скрипка — лучшее, что смог сделать Джон, но это не означает, что она действительно хороша. Что, если Майкрофт решит, что ее только на помойку? Что, если Шерлок бы ее только возненавидел?

Но выражение лица старшего Холмса его немного успокоило.

— Джон. Я... впечатлен.

Тот постарался скрыть вспыхнувшую надежду.

— Вы ведь не просто так это говорите? — спросил он и тут же мысленно себя отчихвостил. Майкрофт — ас вежливой лжи, вряд ли он признает, что сказал неправду.

— Нет, Джон. Я ни за что бы не предположил, что это всего лишь ваша... седьмая, кажется?.. скрипка. Она звучит просто феноменально.

Успевшая в какой-то момент взять Джона за руку, миссис Хадсон сжала его пальцы.

— Шерлок бы тобой очень гордился, Джон.

Тот моргнул, внезапно растерявшись. Он знал, что это глупо, но разве эмоции когда-то повиновались разуму?

— Вы действительно так думаете? — спросил он, ненавидя себя за потребность услышать подтверждение еще раз.

— Уверен, что не ошибусь, если скажу: Шерлок был бы ошеломлен, — сказал Майкрофт, и его лицо непривычно смягчилось. Джону вспомнилось, как они впервые встретились: Майкрофт так же понимающе поздравлял его с возвращением на "поле

боя". И что тогда, что сейчас его голос звучал тепло и спокойно. — Насколько мне известно, ему никто никогда не делал такого изысканного подарка, а ваш поистине очень изыскан.

Майкрофт опустил глаза и какое-то время смотрел на скрипку в своих руках, потом поднял взгляд на Джона. В его глазах светилось глубинное понимание.

— Вы решили сделать скрипку, чтобы почтить память моего брата, но хочу сказать, что для меня этот инструмент — дань вам обоим. Только ваша стойкость и дружба, Джон, сделали ее возможной. Я не могу выразить вам свою благодарность.

— Благодарность... мне? — с запинкой уточнил Джон.

— Да. Я много лет боялся, что Шерлок растратит свои таланты впустую. Как вы знаете, характер у него был трудный, и я опасался, что он за всю жизнь так и не найдет человека, который сможет его оценить — сможет понять, какой он выдающийся человек, пусть и не без недостатков. Но эта скрипка? Дар... который вы сотворили. Вы оба превзошли мои самые смелые ожидания.

Миссис Хадсон опять прослезилась, и Джон почувствовал, что тоже не так далеко от нее ушел. Мужественно стараясь не шмыгать носом, он поднялся на ноги и отыскал на крошечной кухне оставшуюся с Рождества бутылку скотча. Наполнил три бокала и раздал присутствующим.

— За Шерлока, — произнес он.

— И за его лучшего друга, — добавил Майкрофт. — За его новую скрипку.

Раскрасневшиеся от избытка чувств, они подняли бокалы за отсутствующего Шерлока.

Примечание к части

[1] Церковь Святого Мартина «что в полях» (St Martin-in-the-Fields) — самая знаменитая приходская церковь Лондона. Стоит на северо-восточном углу Трафальгарской площади, в самом центре города. Среди её прихожан — обитатели Букингемского дворца, в том числе и королевское семейство. У церкви имеется собственный оркестр — академия Святого Мартина в полях. — Википедия (с)

[2] Auld Lang Syne (Старое доброе время) — шотландская песня на стихи Роберта Бёрнса, написанная в 1788 году. Известна во многих странах, особенно англоязычных, и чаще всего поётся при встрече Нового года, сразу после полуночи. Была переведена на русский Самуилом Маршаком под названием «Старая дружба». — Википедия (с)
<http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=17318> — перевод Маршака

Глава 6

Следующим утром курьер доставил на Бейкер-стрит красивый, ручной работы футляр для скрипки, на котором красовалась табличка с именами друзей и дата. Тронутый этим жестом, Джон улыбался себе под нос, собираясь к Питеру.

Он нервничал, как в университетские времена перед экзаменом. Джон знал, что скрипка получилась хорошей — даже Майкрофт это сказал, но ему все равно требовалось подтверждение (относительно) независимого эксперта.

— Джон, — произнес Питер, опустив наконец смычок. — Это великолепно. Я... как это говорят?.. сражен наповал.

Джон улыбнулся.

— Если ты пытаешься вогнать меня в краску, то у тебя получается. Но я очень надеюсь на твое честное мнение.

— Но это... — запротестовал тот, но в это момент в магазинчике звякнул колокольчик, оповещающая о посетителе. — Сейчас приду, — крикнул он. Затем снова поднял смычок и сыграл быструю, стремительную мелодию, а за ней — медленную хроматическую гамму, каждая нота которой буквально ласкала слух. — Тон превосходен. У нее есть личность, Джон. Душа, которой прочим не доставало. В конечном счете, разве не это главное? Сыграй мне что-нибудь, пока я разбираюсь с клиентом, — Питер вернул скрипку Джону и пошел к двери.

— Полагаю, это зависит от самой личности, — проговорил тот и, подняв к подбородку инструмент, снова заиграл "Старую дружбу".

Закончив, он посмотрел на часы, и почувствовал мгновенный укол вины: не стоило так надолго отвлекать Питера. Он аккуратно положил скрипку в идеально подходящий для нее футляр и попутно удивился, как это Майкрофту удалось так быстро его заказать.

Из-за двери послышался быстрый смех и приглушенные голоса: Питер общался с клиентом. Надев пальто, Джон вышел в салон и нечаянно столкнулся с каким-то стариком, который держал в руках пачку нот.

— Ох, простите!

Старик отмахнулся от извинений, но позволил Джону собрать ноты и с чуть заметной насмешкой глянул его скрипичный футляр. Наверное, со стороны Джон действительно напоминал ученика-переростка с новенькой скрипкой, но это совершенно не значило... Джон вздохнул. Он никому не позволит испортить себе такой день. Кивнув Питеру на прощание, он направил свои стопы на Бейкер-стрит.

Дома Джон забежал в мастерскую ровно настолько, чтобы оставить там скрипку. У него была здесь еще работа, но солнце просто манило его на улицу. Впервые за многие месяцы он чувствовал себя *свободным*.

Он даже не сознавал, каким бременем было создание скрипки... *этой* скрипки. Ему казалось, что он давно принял свою новую безшерлоковую жизнь, но сегодняшний день... с законченной скрипкой для Шерлока... ощущался словно каким-то началом. Или, может быть, окончанием. Или и тем, и другим.

Так или иначе, Джон решил погулять и насладиться солнцем. Ему хотелось освежить голову и осознать тот факт, что главная цель достигнута... и теперь можно делать все, что душа пожелает. Он подумал о наполненном звучании виолончели. Интересно, трудно ли научиться на ней играть? А какой был бы вызов ее сделать! Сейчас у него уже хватало навыков, и вряд ли это труднее, чем делать скрипку. Можно было бы поэкспериментировать и с электрическими вариациями последней. Его новые друзья

категорически не принимали подобные создания, но Джону электроскрипки сильно напоминали привычные ему предметы мебели.

Он гулял много часов подряд, даже не заметив, что больше уже не хромает.

На обратном пути он купил китайской еды "на вынос", но уже сворачивая на Бейкер-стрит, он осознал что, что-то не так. Всю улицу переполняли машины с мигалками, и первое, что ему пришло в голову — что-то произошло с миссис Хадсон.

Протолкавшись в дому, он обнаружил у входной двери Лестрейда.

— Грег! Что случилось? Как миссис Хадсон?

— О, слава Богу, — выдохнул тот, по его лицу растеклось облегчение. — С ней все в порядке, Джон. Но где ты был? Я тебе телефон оборвал!

Джон внезапно осознал, что оставил мобильник в мастерской, когда заносил туда скрипку.

— Я ходил прогуляться, — озадачено ответил он и огляделся вокруг. — Что произошло?

Грег показал на окно 221Б.

— Был выстрел пару часов назад, пуля пробила окно. Слава Богу, никто не пострадал, но когда оказалось, что мы не можем тебя найти...

— Иисусе, — выдохнул Джон. — А где была миссис Хадсон? Она здесь?

— Нет, ее в тот момент не было в доме, она не была в опасности. Стрелка пока не нашли, но мои люди ищут его.

— Многовато шума из-за одной шальной пули, — Джон оглянулся на снующих вокруг полицейских.

— 221Б все еще у нас на контроле, — Грег посерьезнел. — Да, у вас больше никто не занимается раскрытием преступлений, а те сумасшедшие, что считали Шерлока жуликом, почти все уже отступились... но квартира все равно еще пока в системе. И если рядом с домом 221 по Бейкер-стрит случается какая-то опасность, мы поднимаем по тревоге всех. О причинах иногда лучше даже не спрашивать.

Джон пожал плечами, подумав, что старший Холмс всегда был склонен к гиперопеке. А Грег, тем временем, вежливо кашлянул.

— Не знаю, как тебе и сказать... Со Страдивариусом Шерлока... произошел несчастный случай. Пуля, видимо, отрикошетила и... мне очень жаль, Джон. Я знаю, эта скрипка для тебя значила — для вас обоих.

Джон окаменел лицом, едва подумав, что этот великолепный инструмент со всей его историей и хранимыми воспоминаниями, уничтожила какая-то пуля... Погибла еще одна частичка Шерлока.

— Она была застрахована, — в полном потрясении пробормотал он. — Хотя не помню, упоминались ли там огнестрельные выстрелы.

Подошедшая Салли выразила свое сочувствие, Джон в ответ ей кивнул. Салли спросила, сколько может стоить такая скрипка, но он не смог ответить.

— Они фактически бесценны. Миллионы, наверное. Я не могу...

— Ты не хочешь присесть? — обеспокоено спросил Грег.

— Нет, — отмахнулся Джон. Он знал, что наверное, производит впечатление человека в шоке (пусть и без одеяла), но на самом деле он был зол. Невероятно зол. Как кому-то могло пройти в голову убить бесценную скрипку? Снайперу очень повезло, что он сейчас за много миль и кварталов отсюда... А что если... Джон резко обернулся, вглядываясь в соседские окна.

Слишком резко — левая нога поскользнулась на каком-то мусоре, и он на мгновение потерял равновесие.

А пока выпрямлялся, кляня на все лады свою упрямую ногу, которая опять его подвела, в стену у его головы впиалась пуля.

Все вокруг взорвалось хаосом, и у Джона сработал инстинкт военного. Он схватил Салли, заставляя ее пригнуться, и по-командирски рявкнул "лежать!", а Грег, тем временем, загородил их собой.

— Не дури, — оборвал инспектор его протесты. — На мне, в отличие от тебя, бронезилет. — Он оглянулся через плечо и добавил: — А сейчас в 221, живо!

Подталкивая друг дружку, они быстро влетели в дом, с трудом избежав пули, ударившую за ними в дверь.

— Что, черт подери, происходит?..

— Джон? Джон, с тобой все в порядке? — выбежала из своей квартиры миссис Хадсон, но остальные сразу замахали ей вернуться обратно.

— Снайпер еще где-то здесь, — пояснил, переводя дух, Джон. — Опасность пока не миновала.

Они перебрались в квартиру домовладелицы, подальше от фасадной части. Джону такая постановка вопроса была не по душе — он предпочел бы не просиживать здесь штаны, а охотиться на этого безумца с оружием. Но Грег был прав: у Джона не было бронезилета, а его пистолет (к тому же, еще и нелегальный) в данный момент оставался в квартире. Да и не мог он вытаскивать оружие на виду у всех полицейских. Не настолько сейчас экстренная ситуация.

Так что Джону пришлось вынуждено настроиться на ожидание.

— Майкрофту, наверное, уже сообщили о Страде, — подумал он вслух.

— О, Джон, разве это не ужасно? — на лице миссис Хадсон отразилось отчаяние. — Это так неправильно. Хотя сейчас, по крайней мере...

Джон встретился с ней взглядом, с удивлением отметив ее спокойствие. В глазах домовладелицы даже светилось что-то очень напоминающее озорство.

— Наверное, не такой уж неудачный момент, — произнес он, и уголки его губ дернулись. — Скрипка мертва, да здравствует скрипка.

— Царствия её пусть множатся дни[1], — хихикнула миссис Хадсон, и несмотря на всю серьезность ситуации, они с Джоном рассмеялись. Салли и Грег недоверчиво на них воззрились.

— Простите, — Джон постарался придать своему лицу приличествующее выражение. — Простите, просто... когда все закончится, нам надо будет спуститься в мастерскую. Я хочу кое-что вам показать.

Брови Грега поползли вверх.

— Ты имеешь в виду...

Джон ничего не мог поделаться с расползающейся по лицу улыбкой.

— Да. Это, конечно, не то же самое, но скажем так: Шерлок без скрипки не остался, даже если его последняя стала жертвой убийства — собственно, ожидаемая судьба любой вещи, принадлежавшей Шерлоку.

Наконец им сообщили, что все чисто и опасности больше нет. Салли и Грег вернулись к работе, оставив Джону строгие указания не выходить из дому. Тот, было, запротестовал, но увидев волнение миссис Хадсон, дал себя уговорить. Они с домовладелицей поели китайской еды и выпили огромное количество чая, когда снова раздался стук в дверь.

— У вас тут все хорошо?

Джон с улыбкой поднял голову.

— Да, все нормально. А у вас? Вы оба, похоже, совсем вымотались.

Миссис Хадсон была бы не миссис Хадсон, если бы не настояла напоить чаем Салли и Грега, так что прошло еще некоторое время, прежде чем они все четверо решили спуститься вниз и посмотреть на (новую) скрипку Шерлока. Джон не особенно удивился, встретив у входной двери Майкрофта. Визиты два дня подряд — это, конечно, необычно, но Майкрофт, вероятно, тоже беспокоился за судьбу скрипки. Если Джону не изменяла память, именно он подарил ее Шерлоку.

Джон начал перед ним извиняться, но Майкрофт лишь отмахнулся. Джон не мог предугадать, что в окно залетит пуля, и хорошо, что они с миссис Хадсон не пострадали. Джон сказал, что даже еще не поднимался оценить повреждения и идет показывать остальным свою скрипку. Может, Майкрофт хочет пойти с ними?

Возглавляя свою маленькую процессию, Джон перешагнул порог мастерской и внезапно застыл на месте.

Скрипичный футляр лежал там, где Джон его и оставил, но он был открыт.

И пуст.

Джон отчаянно завертел головой, пытаясь обнаружить скрипку, но тщетно. Как он мог так опростоволоситься? Как он умудрился потерять обе скрипки Шерлока в один день?

И тогда они услышали ее.

С верхнего этажа лилась знакомая мелодия... "Старая дружба".

Примечание к части

[1] Строка из государственного гимна Великобритании "Боже, храни королеву", перевод Александра Булышко

https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Великобритании

Глава 7

Интермедия: Шерлок

Шерлок с беспокойством наблюдал, как Джон заходит в магазинчик Питера. Но Майкрофт бы ему сказал (ведь сказал бы?), если бы Джон решил продать Страдивариуса (что было бы большой иронией — выбрать именно этот момент, когда Шерлок наконец (наконец-то!) почти готов вернуться домой). Но нет. Джон вошел в магазин струнных инструментов с привычной легкостью и уверенностью, и сразу направился в заднюю комнату, где была мастерская.

Может, он берет уроки игры на скрипке? Это последнее, чего Шерлок ожидал бы от своего блогера — любителя таскать с собой оружие и талантливого мастера-мебельщика, но, пожалуй, лучше так, чем если бы на его Страде играл кто-то чужой. Хотя футляр выглядел незнакомым. Шерлок озадаченно нахмурил бровь, хотя это не должно было стать для него уж такой неожиданностью. Если кто и способен был удивить Шерлока, так это Джон Ватсон.

Прошло около получаса, а Джон все так и не выходил. Любопытство все же взяло верх, и Шерлок, ссутулившись, все-таки зашел внутрь. Из задней комнаты слышалась музыка — Питер (?) играл хроматическую гамму на скрипке... которая совершенно определенно не была его Страдивариусом, голос был совершенно иной. Довольно приятный, но точно не принадлежал его скрипке.

Музыка оборвалась, и сам Питер вышел в салон, встал за прилавок. Шерлок торопливо схватил пачку нот с небольшой стойки у двери. Из мастерской послышалась "Старая дружба" — ее играли медленно, с чувством, но вполне уверенно. Шерлок застыл на месте, осознавая, что не способен даже пошевелить и пальцем. Джон. Это играл Джон.

На мгновение музыка захватила Шерлока — Джон оказался гораздо лучшим скрипачом, чем он ожидал, и хорошо чувствовал свой инструмент. Инструмент, который однозначно не был Страдивариусом, но зачем бы Джону покупать себе новую скрипку?

И в этот момент, к полной неожиданности Шерлока, Джон вдруг сам вышел в салон. С тех пор, как они виделись, прошло почти два года, и детектив автоматически отметил все произошедшие изменения. Джон сильно потерял в весе, но его худоба не выглядела болезненной. Бледная кожа была, скорее, следствием недостатка солнца, а не какой-то болезни, а пальцы покрывали мелкие царапины и следы клея. А. Значит, мастерская. Хорошо, что ему есть чем заняться. Наверное, большими количествами выпускает столы и прялки?

Шерлок невольно бросил взгляд на футляр и удивленно моргнул. Футляр выглядел совершенно новым и нефабричным, явно сделанным на заказ. Зачем же Джону...? Но сейчас у него не было времени на раскрытие этой тайны. Он бросил насмешливый взгляд на Джона, чтобы отвлечь внимание, и заторопился оплатить ноты — ему нужно было следовать за другом, куда бы тот ни направился.

А Джон, похоже, шел прямо на Бейкер-стрит, и Шерлок слегка отстал, отмечая изменения в его походке: друг шел, словно не доверяя своей (психосоматически) "плохой" ноге. Однако, зайдя в дом, минут через десять Джон вдруг снова появился в дверях, вынудив Шерлока торопливо нырнуть в сторону. В руках у доктора теперь ничего не было, он улыбался солнечному деньку и чуть ли не насвистывал.

У Шерлока было много неотложных дел, но он не устоял. Оглядев улицу в обе стороны, он открыл дверь своим ключом и вошел в дом, зная, что миссис Хадсон нет дома. В прихожей он, заколебавшись, остановился. Подняться в 221Б или спуститься в

мастерскую Джона? Вспомнив бледные, натруженные руки друга, он кивнул и направил стопы в 221С.

Первое, что он ощутил — резкий запах незнакомого лака. Не того, которым Джон раньше пользовался, и явно не покупного. Интересно, почему Джон его сменил... с этой мыслью Шерлок завернул за угол и застыл на месте при виде открывшегося перед ним зрелища.

Скрипки. Джон делал *скрипки*.

Но почему? Тщательно следя, чтобы ничего не касаться, Шерлок прошелся по мастерской, разглядывая скрипки разных стадий готовности. Значит... скрипка, которую он слышал в магазинчике Питера... это была работа Джона?

Его взгляд остановился на футляре, который чуть раньше принес сюда Джон. После секундного колебания, Шерлок щелкнул замками и поднял крышку. У него перехватило дыхание при виде скрипки. Едва дыша, он протянул руку и коснулся струн. Когда Джон... как он сумел сотворить это чудо? Дрожащими пальцами он коснулся выгравированных на пластинке имен.

Джон сделал эту скрипку — и сделал ее *для Шерлока*.

Шерлоку ничего в жизни так не хотелось, как сыграть на скрипке, сделанной руками Джона.

Но сейчас не время. Сначала надо поймать Морана — обезопасить Джона. Тогда он уже сможет вернуться и опробовать эту феноменальную скрипку. Шерлок попытался вспомнить, как она звучала у Джона в магазинчике Питера. Ему еще тогда подумалось, что тон очень приятный, но сейчас... у него прямо-таки чесались руки от нетерпения. Почему он не прислушался к ней получше?!

Нет. Сначала — Моран, а потом надо будет поинтересоваться у Майкрофта, что еще тот утаил от него о жизни Джона в эти два года. К вечеру все должно кончиться. Он только надеялся, что Джон позволит ему на этой скрипке сыграть. Он любовно закрыл футляр и решительно развернулся.

Покинув мастерскую, Шерлок тенью проскользнул по лестнице в 221Б и обнаружил квартиру, в основном, такой же, как и была (лишь лабораторное оборудование куда-то девалось из кухни). Он стоял посреди гостиной, потерявшись в собственных мыслях... когда оконное стекло внезапно пробила пуля.

Конец интермедии

* * *

У Джона на миг ушла из-под ног земля. Сверху, со второго этажа лилась музыка. Как это... кто играет? Звучание напоминало его скрипку... скрипку *Шерлока*. Но кто мог это сделать? Кто посмел так поступить?

Возмущенный и разъяренный, он качнулся к лестнице, но Майкрофт схватил его за руку.

— Глубокий вдох, Джон.

— Что?

— Вы бледны, как смерть, и едва держитесь на ногах. Вдохните поглубже, прежде чем подниматься.

— Кто-то украл скрипку Шерлока!

— Ее не крали, — возразил Майкрофт. — Она не покидала дом. На ней лишь играют, никто не причинил ей вреда.

— О чем вы? Никто не имеет права...

Все взгляды были обращены на него. Джон Ватсон вновь стал центром разыгрывающейся мелодрамы, а сверху, тем временем, все лилась и лилась музыка. Джон не понимал, почему Майкрофт его удерживает, почему не дает рвануться наверх, чтобы прекратить это... кошунство. Разве мало, что они уже потеряли Страдивариуса? И самого Шерлока? А теперь эта пародия, какая-то никчемная личность играет на его — *его* — скрипке без разрешения... Пулевая дыра в окне с этим и не сравнится.

— Я знаю, — сказал Майкрофт. — И только прошу сохранять хладнокровие. Есть кое-что, что вам нужно знать.

Джон сердито глянул на него.

— Странно, что ваши люди еще не берут штурмом эту лестницу.

Майкрофт только покачал головой, на его лице вновь появилось то теплое, понимающее выражение.

— Есть только один человек, которому следует сейчас по ней подниматься, и этот человек — вы, Джон. Но сначала... мне нужно рассказать вам о снайпере.

Какая-то бессмыслица.

— Снайпер?

— Да. Полковник Себастьян Моран. Мои люди только что схватили его на крыше дома напротив. Но вы должны узнать, почему он стрелял.

Джон во все глаза смотрел на Майкрофта, не понимая, почему они сейчас это обсуждают, вместо того чтобы остановить человека, который *играл на скрипке Шерлока*. Тем не менее, он кивнул, показывая, что слушает, но сам не спускал глаз с двери, чтобы кинуться наверх, как только Майкрофт закончит.

— Моран был правой рукой Джеймса Мориарти, — произнес тот, и услышав это имя, Джон невольно перевел взгляд на старшего Холмса. — Мы уничтожили его сеть два года. И когда я говорю "мы", то имею в виду очень определенного человека. Моран оставался последним нерешенным звеном. И прежде чем мы его поймали, он был решительно настроен убить вас, Джон.

— Меня? Но зачем? — "Шерлока же больше нет", подумалось Джону. — Я же сейчас только занимаюсь скрипками и точно никому не угроза.

— Нет, но... — Майкрофт вздохнул и глянул мимо Джона на остальных, с жадностью ловивших каждое слово. — Вы ведь, разумеется, помните, почему Шерлок бросился с крыши?

— Чтобы спасти нас троих от снайперов, — сказал Джон. Они все это знают, так к чему опять поднимать эту тему? Разве что... в мозгу забрезжила какая-то связь. — Вы хотите сказать, что Моран...

— Был одним из тех снайперов, да. Вашим, если конкретно.

— Но зачем ему сейчас за мной охотиться? Даже если ваши люди и занимались уничтожением сети Мориарти, то причем тут я?

— Шерлок должен был умереть, чтобы спасти вашу жизнь — жизни всех вас. Такова была сделка, — ответил Майкрофт. — Вероятно, Моран считал, что уничтожение сети отменяет подобный исход. Или может быть... — он повернул голову к лестнице, по которой все еще плыла музыка. — Может быть, он решил, что у него есть и другие причины считать сделку аннулированной. Я просто... я только хочу, чтобы вы сохраняли спокойствие.

Джон озадаченно глянул мимо Майкрофта на остальных и, к своему облегчению, убедился, что они в таком же недоумении. Он ничего не понимал, но чувствовал, что вот-вот должно произойти нечто значительное и очень важное. Он сделал глубокий вдох и зашагал вверх по ступенькам.

Майкрофт не казался встревоженным, что немного его успокаивало. Отсутствие вооруженных агентов, полная уверенность, что Джону не понадобится оружие и даже прикрытие лучших ярдовцев... все это говорило, что ему нечего опасаться.

И все же... нереальность, полнейшая абсурдность всей ситуации... ужасала Джона, как не ужасал Афганистан, собственное ранение или пояс "смертника". Майкрофт сказал, что у Морана были и другие причины — что он имел в виду? И почему так спокойно отнесся, что кто-то играет на скрипке Шерлока? (Тем более, ведь он знает о гибели Страдивариуса). Джону стало казаться, что в 221Б его поджидает какой-то призрак — что на скрипке играет что-то жуткое и непостижимое. Что-то, может быть, и удивительное, но жуткое, как ледяная фея из сказок, от красоты которой тут же падаешь замертво.

А музыка все плыла и плыла, затягивая его наверх, словно зов сирены, так что в глубине сознания зазвенели предупреждающие сигналы.

Поднявшись на второй этаж, Джон остановился, сделал глубокий вздох и толкнул дверь в 221Б.

В первый момент ему показалось, что он видит покупателя из магазина Питера — того, что с насмешкой смотрел на его новенький футляр для скрипки. Одежда была та же самая, а на полу у двери виднелась незнакомая пачка нот. Но человек, игравший на скрипке — этот покачивающийся силуэт в лучах заходящего солнца — выглядел прямее и выше. А потом музыка переменилась.

Джон никогда раньше не слышал этой мелодии. Грустная и задумчивая, она наполняла душу сожалением, раскаянием и любовью и просто разбивала сердце. Джон забыл, что он в бешенстве из-за украденной (позаимствованной?) скрипки, забыл, что только пару часов назад шальная пуля убила драгоценный Страдивариус. Он забыл обо всем.

Потому что играющий на скрипке силуэт выглядел слишком знакомым. Волосы короче, одежда не так элегантна, но этот облик... этот человек со скрипкой... это звучание нот...

Чувствуя, как подкашиваются ноги, Джон привалился к косяку и смотрел — просто смотрел, его глаза и уши наполняло невероятное, невозможное. Что там Майкрофт говорил насчет Морана? Что у него, видимо, были свои причины стрелять в Джона? И про аннулирование сделки, требовавшей смерти Шерлока в обмен на их жизни. А еще он совершенно не волновался, что скрипка Шерлока похищена и на ней играет...

Сзади на лестнице раздались шаги, и музыка снова переменилась: теперь в ней звучала надежда, любовь и радость возвращения — все то, что Джон так жаждал услышать. Эта музыка пела о вере, терпении и сострадании. Она пела о дружбе.

Она пела о нем. Она пела ему.

Джон не знал, что и думать, глядя, как галлюцинация Шерлок изливает музыкой свое сердце посреди гостиной 221Б. Единственное, что билось у него в голове — он даже не мечтал, что его скрипка... скрипка Шерлока... может звучать с такой красотой.